

Россия и Азия

№ 1 (2), 2018

russia-asia.org



Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 1 (2), 2018 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>
E-mail редакции: red@russia-asia.org

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Андреева Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Русакович Василий Игоревич — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО Тейда Транс», г. Москва, Россия.

Сабон Виктория Лелу — PhD (экономика), заведующая кафедрой зеленой экономики, директор Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурайя, Научный бизнес парк, Индонезия.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель Китайского университета уголовной полиции, г. Шэньян, провинция Ляонин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий.

Содержание**ГОСТЬ РЕДАКЦИИ**

- Интервью с Его Превосходительством д-ром Сивиенгпхет Фетворасак, Послом Лаосской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации, для журнала «Россия и Азия». 5

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Родионова И. А., Кокуйцева Т. В.**
Позиции стран Азиатского региона и методика анализа уровня индустриального развития стран мира 10
- Владимиров С. Н.**
Трансформация внешней торговли стран Персидского залива: задачи и возможности 17
- Черников А. В.**
Автомобильная промышленность в странах Персидского залива: миф или реальность? 24
- Денисов Р. В.**
Бенчмаркетинг в Японии как фактор повышения конкурентоспособности: история и современность 30
- Лохмутов С. В.**
Промышленное развитие Бангладеш как драйвер социально-экономического прогресса 39

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Оздемир В.**
Торговые отношения России и Турции на современном этапе 46

ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

- Khaled Al Sayyad**
The Manifestation of QE Theory in Practice: Did it Work in Restarting the Economy as Touted? 52

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Айдрус И.А.**
Арабский мир и новые вызовы. Что делать экономике? 61

Content**OUR GUEST**

Interview with the His Excellency Dr. Siviengphet Phetvorasack, the Ambassador of the Lao to the Russian Federation	5
---	---

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Rodionova I.A., Kokuytseva T.V. Positions of the countries of the Asian region and technique of the analysis of industrial development of the countries level of the world	10
Vladimirov S.N. Transformation of foreign trade of Gulf states: tasks and opportunities	17
Chernikov A.V. Automotive industry in Gulf states: myth or reality?	24
Denisov R.V. Benchmarking in Japan as the factor of increase in competitiveness: history and present	30
Lohmutov S.V. Industrial development of Bangladesh as driver of social and economic progress	39

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Ozdemir V. Trade relations of Russia and Turkey at the present stage	46
--	----

ECONOMY: THEORY AND HISTORY

Khaled Al Sayyad The Manifestation of QE Theory in Practice: Did it Work in Restarting the Economy as Touted?	52
---	----

SCIENTIFIC LIFE

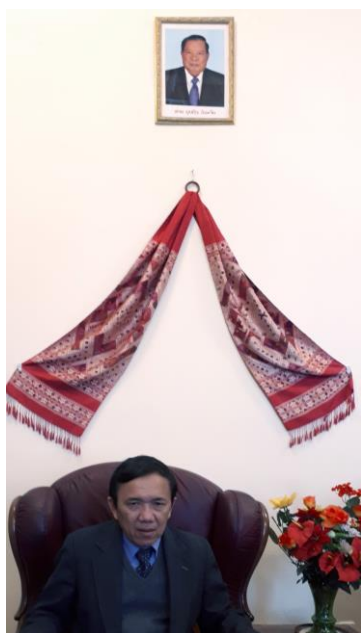
The Arab world and new challenges. What should the economy do?	61
--	----

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ**Интервью с Его Превосходительством д-ром Сивиенгпхет Фетворасак, Послом Лаосской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации, для журнала «Россия и Азия»**

Ваше Превосходительство!

Журнал «Россия и Азия» мы рассматриваем как площадку для продвижения научной школы РУДН, а также других исследовательских центров и университетов, изучающих страны Азии, в частности, государства АСЕАН, для публикации результатов научных исследований, для оказания содействия людям, которые хотели бы жить и работать в различных странах Юго-Восточной Азии, для публикаций полемикаческого характера и для объединения исследователей и/или предпринимателей, заинтересованных в развитии научных и практических знаний.

Лаос для россиян пока достаточно малоизвестная страна. На сегодня это положение изменяется, и журнал «Россия и Азия», в том числе, ставит своей целью расширить знания наших сограждан об этой стране и о других государствах АСЕАН. Это может быть интересно для студентов, научных работников, предпринимателей, инвесторов, туристов и многих других категорий граждан. Поэтому мы просим Вас ответить на несколько вопросов о Лаосе, о возможностях и направлениях развития отношений между Россией и Лаосом (странами АСЕАН).

1. Чем отличается Лаос от других стран АСЕАН? В чем его особенности?

Лаос (Лаосская Народно-Демократическая Республика, ЛНДР) — небольшое государство, единственная страна Юго-Восточной Азии, не имеющая выхода к морю. Население Лаоса миролюбивое и дружелюбное, насчитывающее 6,5 млн человек, разделенных на 49 этнических групп. В стране — в любом ее уголке — можно встретить многочисленные пагоды и храмы, нетронутая природа Лаоса прекрасна.

Территория Лаоса покрыта густыми лесами, ландшафт состоит из невысоких холмов и гор. Здесь есть таинственные пещеры, водопады, непроходимые джунгли.

В стране много привлекательных мест, связанных с древнейшими историческими и культурными достопримечательностями, так как мы гордимся древней культурой и традициями лаосского народа. Лаос — уникальная страна региона, и ее главной характеристикой можно назвать спокойствие и расслабленность. Визовый режим Лаоса значительно упрощен.

2. Какие страны являются на сегодняшний день наиболее привлекательными для Лаоса в плане торгово-экономического сотрудничества?

Наиболее важными партнерами для Лаоса в сфере торгово-экономического сотрудничества на сегодняшний день являются Вьетнам и Китай, и правительство Лаоса успешно привлекает в национальную экономику инвесторов из этих государств, благодаря сформированной в стране благоприятной атмосфере. Причем очень хорошие отношения Лаоса с Вьетнамом и Китаем сохраняются как в политической, так и в экономической сфере. Между странами регулярно осуществляется обмен делегациями на различном уровне, в том числе между предпринимателями.

3. Как развиваются экономические отношения между Россией и Лаосом на сегодня?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует подчеркнуть, что Правительство Лаоса последовательно проводит внешнюю политику за мир, независимость, дружбу и сотрудничество со всеми странами во всем мире. В сентября 2017 г. Премьер-министр Лаоса Тхонглун Сисулит посетил Россию и встретился с Премьер-министром Российской Федерации Д.Медведевым. Обе стороны высоко оценили двустороннее сотрудничество как в политической, так и в экономической сфере. Лаосское правительство приветствует инвесторов из России в Лаосе, многие проекты, реализованные Российской Федерацией, достигают успехов. Конечно, остается еще не проделанная работа, что связано с финансированием. Следовательно, мы очень хотели бы, чтобы российская сторона нашла наиболее надежных российских предпринимателей, которые обладают достаточными финансовыми средствами, чтобы быстрее развивать те проекты, которые должны быть реализованы в Лаосе. Мы с уважением относимся к российским инвесторам, работающим на территории Лаоса, мы высоко оцениваем их труд и работу, так как они стараются делать все возможное для высокого результата в интересах двух народов. Надеемся, что в дальнейшем российское правительство сможет рекомендовать крупным российским компаниям, чтобы они вложили свой капитал в проекты, которые интересуют Российскую Федерацию в Лаосе. Считаем, что Россия — это наш надежный партнер, без России нам не обойтись.

Мы высоко оцениваем неустанную работу межправительственной комиссии между Россией и Лаосом, которая проходит ежегодно. Это помогает Лаосу и России решать многие вопросы, связанные с нашими отношениями и сотрудничеством.

4. Какие преимущества могут быть реализованы Россией от сотрудничества с Лаосом?

Россия и Лаос — партнеры на протяжении исторически достаточно длительного времени. Россия заинтересована в развитии политических и торгово-экономических отношений с Лаосской Народно-Демократической Республикой. Лаос — важный партнер России в Юго-Восточной Азии, наши отношения основываются на многолетних традициях дружбы, доверия и поддержки. Есть взаимная

заинтересованность в том, чтобы эти отношения развивались на торгово-экономическом и политическом уровне.

Россия привлекательна для Лаоса в сфере реализации различных проектов на территории ЛНДР. Например, Россия и Лаос подписали соглашение о строительстве ГЭС «Секонг-5». В Лаосе работают ряд российских компаний.

В Лаосе работает мобильный оператор Vimpelcom Lao — дочерняя компания ПАО «Вымпелком» (бренд «Билайн»). Российское ООО «Международная книга — Ценные бумаги» занимается производством и поставкой защищенной печатной продукции для нужд Национального банка и МИД Лаоса, ЗАО «Нейланд» добывает в стране цинковую руду и свинец, а также работают другие российские компании.

5. Чем интересна Россия для Лаоса в экономическом плане? А для стран АСЕАН?

Мы видим в этом сотрудничестве большой потенциал. АСЕАН — это одно из ведущих торгово-экономических объединений, и Россия как участник ЕАЭС намерена продолжать работу над упрощением торговых процедур и запуском новых проектов. Лаос выступает координатором диалога между Россией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Ведется подготовка меморандума о взаимодействии между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН. Речь, в частности, идет о возможном создании зоны свободной торговли между двумя объединениями.

6. Какие направления двустороннего сотрудничества Вы считаете наиболее перспективными и эффективными?

В 2017 г. объем товарооборота между Лаосом и Россией снизился относительно предыдущего года и достиг лишь 4,3 млн долл. США. Поскольку товарооборот остается скромным, мы должны искать все возможности для его роста в будущем, чтобы осуществлять торговые связи, увеличить объем торгового оборота, обеспечить более активную кооперацию предпринимательского сообщества.

7. Как Вы считаете, санкции ЕС и США против России могут как-то (как?) воздействовать на развитие российско-лаосских отношений?

Безусловно, это воздействие существует, и оно негативное. Я имею в виду банковские транзакции. Санкции США влияют отрицательно на развитие российско-лаосского сотрудничества, так как если мы хотим перевести деньги в российские банки, мы сталкиваемся с трудностями. США считают себя «валютным уполномоченным» в мире, и стремятся контролировать все денежные потоки в мире. Для маленькой страны это невыгодно и создает проблемы. Следовательно, если санкции будут отменены, экономическое сотрудничество двух стран станет более плодотворным.

Москва и Вьентьян являются стратегическими партнерами, и Лаос заинтересован в развитии совместных проектов.

8. Есть ли общность между гражданами России и Лаоса в социально-культурном плане? Что интересного может быть для нас в Лаосе в культурно-историческом плане? В гастрономическом плане?

Безусловно, я могу сказать, что наша страна всегда приветствует туристов, инвесторов, предпринимателей из России. Почему? У нас много общего. Скажем, в секторе туризма Лаос очень хотел бы, чтобы россияне посещали Лаос ежегодно, и мы хотим, чтобы их число увеличивалось. И Россия тоже хочет видеть поток туристов из Лаоса. Если число туристов достигнет высоких показателей, это будет большим успехом. В любом уголке страны вы увидите улыбки наших жителей в знак приветствия зарубежных гостей, в частности, россиян и туристов из Вашей страны. Они готовы встречать Ваших людей на лаосской земле, тем более, что 2018 год объявлен годом туризма в Лаосе.

Блюда лаосской кухни очень вкусные. Набор кулинарных традиций, характерный для Лаоса, имеет множество региональных разновидностей и во многом отличается от кухонь соседних стран, хотя есть и сходство с ними по некоторым блюдам. Базовой пищей лаосцев является отваренный на пару клейкий рис, который едят руками или ложкой, ею же употребляют и суп, а лапшу — палочками. Очень активно используются разнообразные зелень и овощи, как сырые, так и сваренные на пару. Прием пищи, как правило, состоит из супа, жареного блюда, зелени и тушеного блюда.

9. Как Вы считаете, есть ли необходимость активизировать «продвижение» Лаоса в России для привлечения туристов, предпринимателей, инвесторов из России в Лаос и наоборот? Что для этого можно предпринять? Если говорить о «бренде Лаоса», о самом узнаваемом символе, что бы это могло быть? А что могло бы служить «брендом России» в Лаосе?

Безусловно, дело в том, что Лаос для россиян малоизвестная страна. Поэтому мы считаем, что по некоторым направлениям продвижения мы должны быть нацелены на продвижение успешной совместной работы:

- развитие и расширение сети туристических агентств, обмен туристами, а также предпринимателями. Дело в том, что со 2 декабря 2017 соглашения о безвизовом режиме между Лаосом и Россией вступило в силу;
- ежегодно следовало бы организовывать Дни Лаоса в России и Дни России в Лаосе, ежегодно проводить встречи между Торгово-промышленными палатами двух стран;
- важно открыть прямой рейс из России в Лаос.

Национальным брендом России в Лаосе является «сделано в России», а национальный бренд Лаоса — “made in Laos”. Этот бренд у нас сочетается с цветком чампа. Это цветок революции, который цветет на Новый год в Лаосе, праздник, который Лаос, как буддийская страна, отмечает в апреле в зависимости от фазы Луны. В 2018 г. мы отмечали 2561 год.

Поскольку Лаосская Народно-Демократическая республика провозглашена 2 декабря 1975 года, то этот день — наш национальный праздник.

10. Какие области взаимодействия Лаоса и России в научной и образовательной сфере актуальны для Лаоса?

Позвольте от имени Правительства и народа Лаоса искренне поблагодарить руководителей, Правительство и народ России, которые всегда оказывали, оказывают и будут оказывать помощь Лаосу в научной и образовательной области. Россия предоставляет не менее 80 стипендий в год Лаосу. Эта тенденция будет способствовать тому, чтобы Лаос имел высококвалифицированных специалистов в будущем.

Интервьюер:

Шкваря Людмила Васильевна, д.э.н., профессор кафедры политической экономики, Российский университет дружбы народов



РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

**ПОЗИЦИИ СТРАН АЗИАТСКОГО РЕГИОНА МЕТОДИКА АНАЛИЗА
УРОВНЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН МИРА**

*Родионова Ирина Александровна,
Кокуйцева Татьяна Владимировна*

Одними из главных индикаторов уровня социально-экономического развития стран мира по-прежнему остаются показатели уровня индустриализованности экономики, особенности функционирования обрабатывающей промышленности, отраслевая структура промышленности и экспорта промышленной продукции. Исследование проводилось по трем группам показателей, которые характеризовали: общий уровень экономического развития, уровень развития обрабатывающей промышленности, особенности инновационного развития и структуры экспорта промышленной продукции. Была создана матрица данных по 12 показателям, отражающим уровень развития обрабатывающей промышленности 117 стран мира. По каждому показателю определялся ранг страны (его место в общем списке). Для получения интегральных показателей все ранги суммировались без весовых коэффициентов и определялся интегральный ранг. Была составлена итоговая рейтинговая таблица.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, вторичный сектор экономики, индустриализация, рейтинг стран мира.

JEL-коды: C49, F29, O14

Процесс индустриализации в мире продолжается, но современный этап этого процесса имеет свои особенности. Напомним, что страны мира по-прежнему находятся на разных стадиях своего развития: аграрной, индустриальной и постиндустриальной. Однако даже для высокоразвитых стран с постиндустриальной экономикой сильный вторичный сектор экономики, в первую очередь мощная обрабатывающая промышленность государства — это прямой путь к экономическому

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов, iarodionova@mail.ru

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов tvkokuytseva@gmail.com

благополучию. Хотя в этой группе государств на передний план вышла сервитизация экономики, то есть быстрое развитие сектора услуг для удовлетворения всевозможных потребностей населения. Но переход к постиндустриализму происходит вместе с новым качественным витком развития вторичного (индустриального) сектора экономики. При этом именно уровень развития промышленности определяет степень и качество развития и функционирования всех других отраслей экономики, что и отражается на производственных и бытовых аспектах жизни населения.

Сдвиг производства высокотехнологичной продукции в Азию

Многие ученые подчеркивают, что в современной инновационной экономике рост ВВП главным образом достигается за счет производства и экспорта-импорта высокотехнологичных товаров и услуг (Галкин М. А., Родионова И. А., 2013; Антипова Е. А., Родионова И. А., 2014; Rodionova I., 2013; Gierańczyk W., 2010). Так, выполненный авторами анализ статистической базы Научного фонда США показал, что темпы прироста производства высокотехнологичной продукции в мире с 2001 по 2016 гг. очень масштабны (рост — с 280 млрд до 730 млрд долл. в текущих ценах) (Science and Engineering Indicators, 2018). Среди особенностей развития мировой индустрии в начале XXI века следует выделить стремительный рост объемов производства наукоемкой и высокотехнологичной продукции в Азии (Родионова И.А. и др., 2016). И это несмотря на сокращение удельного веса (с 18 до 6% мирового объема) и даже абсолютных объемов производства в Японии.

При этом наиболее высокие темпы роста стоимостных объемов производства в текущих ценах за прошедшие 15 лет были типичны для Вьетнама (увеличение производства в текущих ценах в 20 раз, наибольший рост отмечен в последние 5 лет), Китая (в 7 раз), Японии (6 раз) и даже Бангладеш (в 8 раз) и Пакистана (в 4 раза), Индонезии, Тайваня и Индии (в 3 раза). Лидерами в выпуске high tech товаров ныне являются США (30% мирового производства), Китай (23,5%), Япония (6%), Германия (4,5%), Тайвань (4,5%), Республика Корея (4%). Соответственно, закономерны динамичные подвижки как среди регионов-лидеров, так и отдельных стран в производстве высокотехнологичной продукции (Соловьёва Ю. В., 2016). Позицию региона-лидера в мире заняла Азия (45%, 2016 г.). И в первую очередь это произошло за счет увеличения значения Китая (рост доли в мировом производстве с 6 до 23,5% с 2001 по 2016 гг.). К тому же Китай среди развивающихся стран в настоящее время является крупнейшим экспортером high tech продукции и один из главных поставщиков данного вида продукции на мировом рынке, где его доля составляет 24%. А в целом же доля Азии по экспорту высокотехнологичных товаров — уже превысила 60% мирового показателя (Solovieva Yu. et al., 2017).

Рейтинги стран мира по уровню развития промышленности.

Интересными для анализа опыта *составления рейтингов стран мира* являются рейтинги, составленные на основе интегральных индексов инновационного развития

(The Global Innovation Index; The ICT Development Index; The Networked Readiness Index; The Global Competitiveness Index). В индексе Competitive Industrial Performance (CIP Index), который рассчитывается ЮНИДО (UNIDO) уже в течение ряда лет, страны ранжируются по величине индекса, который показывает их относительное положение в мире с точки зрения возможностей промышленного производства, технологической модернизации и влияния на мировое производство и торговлю. При составлении данного рейтинга, характеризующего уровень конкурентоспособности промышленности стран мира оценивались показатели объемов промышленного производства и экспорта промышленной продукции стран мира, включая показатели интенсивности и качества. Наиболее адекватными показателями являются: доля обрабатывающей промышленности в ВВП, стоимость добавленная обработкой в промышленности в расчете на душу населения, доля страны в мировом экспорте промышленной продукции, доля средне- и высокотехнологичной продукции в промышленном экспорте страны и др. Показательно, что в рейтинговой таблице вслед за лидерами Германией и Японией идет Китай (3 позиция), опережающий США (4 место), за которыми следует Республика Корея (5 позиция), обогнавшая следующих за ней Швейцарию, Бельгию, Нидерланды, Сингапур, Италию (UNIDO, 2017). В докладе отмечается, что на развивающиеся индустриальные страны уже в 2013 г. приходилось свыше 30% от общего мирового объема создания продукции обрабатывающей промышленности и мировой торговли промышленными товарами. Подчеркивается, что рост во многом происходил благодаря быстрому развитию индустрии Китая.

По мнению экспертов ЮНИДО, в силу своего многозначного характера конкурентоспособность является более полной характеристикой экономики, чем текущий темп экономического роста (Миронов В., 2013). Индекс конкурентоспособности промышленности — Competitive Industrial Performance Index (CIP), рассчитываемый UNIDO, — это самый «молодой» из группы сводных индексов конкурентоспособности стран мира (наряду с более известными индексами World Economic Forum и International Institute for Management Development).

Попытки классификации стран мира по уровню их экономического и индустриального развития ранее предпринимались и в России, в том числе авторами данной статьи (Типология несоциалистических стран, 1976; Родионова И. А., 2003; Родионова И. А., Тикунова И. Н., 2002; Родионова И. А. и др., 2004). Постановка целей данного исследования была продиктована потребностью осмысления углубляющейся дифференциации между государствами мира в характере и темпах продолжающегося процесса индустриализации и происходящих структурных сдвигов в мировой экономике и мировой промышленности.

Методика исследования и характеристика показателей

Для сбора данных в данном исследовании использовались: статистическая база ЮНИДО, Всемирного банка, Научного фонда США и др. Развитие индустриального сектора экономики в 117 странах мира было решено анализировать по 12 показателям на 2015 г. *Алгоритм расчета был следующим.* По каждому показателю определялся

ранг страны (его место в общем списке). Чем выше значение показателя, тем более высокий ранг получала страна (по принципу: чем больше, тем лучше). Для получения интегрального показателя все ранги суммировались без весовых коэффициентов, и по сумме определялся интегральный ранг. Минимальные показатели по сумме рангов соответственно отмечались у лидеров рейтинговой таблицы.

Методология построения рейтинга предполагает его нацеленность на оценку состояния обрабатывающей промышленности (в том числе высокотехнологичных секторов). Остановимся подробнее на характеристике выбранных для составления рейтинга стран показателей. Были отобраны три группы показателей. Они характеризовали: общий уровень экономического развития; уровень развития обрабатывающей промышленности; особенности инновационного развития и структуры экспорта промышленной продукции (с позиции высокотехнологичной составляющей). Все отобранные и использованные при составлении классификации показатели были не абсолютными, а относительными (в %, или в расчете на душу населения).

В первой группе был показатель *ВВП в расчете на душу населения по паритету покупательной способности валют*. Он отражает общий уровень развития экономики государств мира, который и определяет уровень ее индустриализованности или уровень промышленного развития. Показатель *потребления электроэнергии в расчете на душу населения* также был отобран, так как именно промышленное производство выступает главным потребителем электроэнергии. Хотя в условиях НТР за счет внедрения энергосберегающих технологий, рационального использования электроэнергии отмечается сокращение «чувствительности» данного показателя при характеристике уровня индустриализованности экономики. Еще один показатель отражает *долю вторичного сектора в создании ВВП стран мира*.

Следующая группа показателей характеризует особенности развития обрабатывающей промышленности стран мира. Это такие показатели, как: *добавленная стоимость, созданная в обрабатывающей промышленности в % от ВВП*; *добавленная стоимость, созданная в обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения в стране*; *доля продукции обрабатывающей промышленности страны в % от общемирового показателя*. И еще два показателя были отобраны для анализа — *это доля машиностроения и химии в создании обрабатывающей промышленности в стране* и *"относительный уровень индустриализации"* или *"коэффициент индустриализации"*. Он был рассчитан авторами. Это отношение доли страны в создании продукции обрабатывающей промышленности мира к доле той же страны в мировом населении.

Третья группа показателей была призвана охарактеризовать особенности инновационного развития и структуру экспорта промышленной продукции в странах мира. Это показатели: *объема экспорта высокотехнологичной продукции в расчете на душу населения* и *доли высокотехнологичного экспорта в промышленном экспорте стран мира*. И последним был выбран интегральный показатель — *Индекс инновационного развития стран мира (The ICT Development Index)*.

Таким образом, были определены показатели, которые, на наш взгляд, позволяют с высокой степенью достоверности охарактеризовать уровень развития процесса индустриализации в разных странах мира на 2015 год.

Заключение

Подводя итог, следует заметить, что любой международный рейтинг является удобным инструментом для анализа и принятия решений крупными корпорациями и властями всех стран мира. На основании анализа 12 критериев развития промышленности авторы получили итоговый рейтинг стран, отражающий уровень их индустриального развития. Лидирующие позиции заняли: Республика Корея, Ирландия, Сингапур, Швейцария, Германия, Швеция, Япония, Австрия, Чехия, Норвегия, США. США заняли 11 позицию в рейтинге. На 17-й позиции разместилась Малайзия, на 18-й — Китай; на 34-й — Россия. Но вот что еще хотелось бы отметить — довольно высокие позиции заняли и страны Ближнего Востока (ОАЭ — 20-е место, Катар — 25-е, Саудовская Аравия — 31, Бахрейн — 37-е, Кувейт 38-е).

Иными словами, структурные сдвиги в мировой промышленности продолжаются. Интернационализация производственной деятельности, а также рассеяние производственных цепочек (создание глобальных цепочек добавленной стоимости) происходит в рамках международного производства, что в свою очередь, ведет к наиболее активному размещению исследовательских структур в различных точках мира. Все вышеизложенное подводит нас к необходимости обратить внимание на очень важный аспект изучаемой проблемы — размещение высокотехнологичного производства в странах мира. Одним из инструментов анализа выступают и создаваемые рейтинги.

Список литературы

1. Антипова Е. А., Родионова И. А. (2014). География научной сферы в условиях глобализации мирового хозяйства // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 2. Химия, Биология, География. № 1. С. 71-77 [Antipova E.A., Rodionova I.A. (2014). Geography of the scientific sphere in the conditions of globalization of the world economy // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Chemistry, Biology, Geography. № 1. pp. 71–77 (In Russian)].
2. Галкин М. А., Родионова И. А. (2013). Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности. М.: Экон-информ [Galkin M.A., Rodionova I.A. (2013). National innovative systems in the conditions of internationalization of research activity. Moscow: Ekon-inform (In Russian)].
3. Миронов В. (2013). Индекс конкурентоспособности ЮНИДО и болезни российской экономики. Конкурентоспособность обрабатывающей промышленности и темпы роста [Mironov V. (2013). Index of competitiveness of UNIDO and disease of the Russian economy. Competitiveness of manufacturing industry and growth rates (In Russian)].

URL: <http://ecpol.ru/2012-04-05-13-39-38/2012-04-05-13-39-53/1106-indeks-konkurentosposobnosti-yunido-i-bolezni-rossijskoj-ekonomiki.html>

4. Родионова И. А. (2003). Пространственное перераспределение промышленного производства мира (макрорегиональный уровень) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 58–68 [Rodionova I.A. (2003). Spatial redistribution of industrial production of the world (macroregional level) // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Geographical series.* № 4. pp 58–68 (In Russian)].

5. Родионова И. А. Рубцов В. А., Трофимов А. М. (2004). Классификация стран мира, отражающая тенденции глобального процесса индустриализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. № 1(10). С.42–54 [Rodionova I.A. Rubtsov V.A., Trofimov A.M. (2004). The classification of the countries of the world reflecting tendencies of global process of industrialization // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Series Economy.* № 1(10). pp. 42-54 (In Russian)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/klassifikatsiya-stran-mira-otrazhayuschaya-tendentsii-globalnogo-protsessa-industrializatsii>

6. Родионова И. А., Слука Н. А., Кокуйцева Т. В. (2016). Производство высокотехнологичной продукции: позиции стран БРИКС в меняющемся мире // Успехи современного естествознания. № 3. С. 190-197 [Rodionova I.A., Sluka N.A., Kokuytseva T.V. (2016). Production of hi-tech production: positions of the countries of BRICS in the changing world // *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya.* № 3. pp. 190–197 (In Russian)].

7. Родионова И. А., Тикунова И. Н. (2002). Классификация стран мира по роли промышленности в общей структуре хозяйства // Вестник Московского университета. Серия География. № 6. С. 27-36 [Rodionova I.A., Tikunova I.N. (2002). Classification of the countries of the world by an industry role in the general structure of economy // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series Geography.* № 6. pp. 27-36 (In Russian)].

8. Соловьева Ю. В. (2016). Страны АТЭС: передача технологий как фактор развития // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 42-47 [Solovieva Yu.V. (2016). Countries of APEC: transfer of technologies as development factor // *Aziya i Afrika segodnya.* №8. pp. 42–47 (In Russian)].

9. Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств) (1976). М.: Наука [Typology of the nonsocialist countries (Experience of the multidimensional and statistical analysis of the national economy). Moscow: Nauka (In Russian)].

10. Gierańczyk, W (2010). Development of High Technologies as an Indicator of Modern Industry in the EU // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series,* no. 14/2010, pp. 23-35. DOI: 10.2478/v10089-010-0012-3. Available at: http://www.bulletinofgeography.umk.pl/14_2010/02_Gieranczyk.pdf

11. Measuring the Information Society Report (2015). The ICT Development Index. Available from: www.itu.int/en/itu-d/statistics/documents/publications/misr2015/misr2015-es-e.pdf

12. Rodionova I. (2013). Competitiveness of countries in the world innovation economy: Central-Eastern Europe and Russia. *Quaestiones Geographicae* 32(2), Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, pp. 15–24. DOI 10.2478/quageo-2013-0010, ISSN 0137-477X. Available at: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/quageo.2013.32.issue-2/quageo-2013-0010/quageo-2013-0010.pdf>.

13. Science and Engineering Indicators (2018). Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA. URL: <http://nsf.gov>

14. Solovieva Yu., Chernyaev M., Korenevskaya A. (2017). Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Models // Journal of Applied Economic Sciences. — Volume XII. — Issue 5(51). P.1473-1484.

15. The Global Competitiveness Report 2015-2016 (2016). World Economic Forum. Geneva, Switzerland. Available from: http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf.

16. The Global Information Technology Report -2015. The Networked Readiness Index (2015). World Economic Forum. Available from: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2015/report-highlights/>

17. The Global Innovation Index (2015). INSEAD (The Business School for the World) and the World Intellectual Property Organization (WIPO). Available from: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf>

18. UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 (2017). URL: https://www.unido.org/data1/IndStatBrief/Basic_Information.cfm?print=no&ttype=C1&Country=SIN&Group=

POSITIONS OF THE COUNTRIES OF THE ASIAN REGION AND TECHNIQUE OF THE ANALYSIS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES LEVEL OF THE WORLD

*Rodionova Irina Aleksandrovna,
Kokuytseva Tatyana Vladimirovna,*

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

Indicators of level of an industrialization of economy, feature of functioning of manufacturing industry, branch structure of the industry and export of industrial output remain one of the main indicators of social and economic development level of the countries of the world still. The research was conducted on three groups of indicators which characterized: general level of economic development, level of development of manufacturing industry, feature of innovative development and structure of export of industrial output. The matrix of data on 12 indicators reflecting the level of development of manufacturing industry of 117 countries of the world has been created. The country rank was determined by each indicator (his place in the general list). For receiving integrated indicators all ranks were summarized without weight coefficients and the integrated rank was defined. The final rating table has been made.

Keywords: manufacturing industry, secondary sector of economy, industrialization, rating of the countries of the world.

JEL-codes: C49, F29, O14.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Владимиров Станислав Николаевич

В статье рассматривается специфика внешнеторговых процессов стран Персидского залива на современном этапе. На основе проведенного в статье макроэкономического анализа автором установлено наличие тенденции к диверсификации экспорта рассматриваемой группы стран. В то же время значительная несбалансированность экспорта по товарной структуре сохраняется.

Ключевые слова: внешняя торговля, ССАГПЗ, диверсификация экспорта, трансформация внешней торговли.

JEL-коды: F 10, F 17.

Введение

В условиях современной мировой экономики усиливаются процессы неравномерности социально-экономического развития стран и регионов, затрагивая и государства Персидского залива — Бахрейн, Оман, Катар, Кувейт, ОАЭ и Саудовскую Аравию, объединенных в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

До 1940–1960-х гг. страны Персидского залива значительно отставали по уровню социально-экономического развития от стран Европы и США. После начала добычи обнаруженных запасов нефти ситуация резко изменилась. Став активными участниками мирового рынка по продаже нефти и нефтепродуктов, рассматриваемая группа стран получила возможность осуществить качественный скачок в развитии, обеспечить экономический рост, что, в свою очередь, дало возможность этим государствам развивать нефтегазовый комплекс на современной основе (Исаев В.А. и др., 2017).

В настоящее время проводимая правительствами этих стран экономическая политика способствует активному развитию и выведению их на ведущие мировые позиции по многим направлениям, а не только в углеводородной сфере. На сегодняшний день многие страны, крупные международные корпорации стремятся попасть на рынки государств ССАГПЗ, осуществлять и укреплять на этих рынках торговое и хозяйственное взаимодействие, развивать сотрудничество по все более широкому спектру направлений.

Владимиров Станислав Николаевич — аспирант кафедры политической экономики, Российский университет дружбы народов, slawa-post@mail.ru, 8 903 2108592

Задачи данной статьи заключаются в выявлении и систематизации современных особенностей внешнеторговых процессов стран ССАГПЗ. Объектом исследования является динамика и структура товарооборота и особенности организации внешнеторговых процессов.

Внешняя торговля традиционно играет важнейшую роль для стран ССАГПЗ, так как они, занимая достаточно малую территорию и не обладая слишком емким рынком (здесь проживает чуть более 50 млн человек на 2017 г. при достаточно высоком темпе роста населения), к тому же имея узкую специализацию в системе международного разделения труда, в значительной степени зависят от внешнеэкономического фактора и, соответственно, от внешней торговли. Именно необходимость и возможность значительного количества экспорта все еще однородной продукции (углеводородов) на мировой рынок дает возможность рассматриваемой группе стран приобретать на мировом рынке необходимые данным государствам товары и услуги для удовлетворения растущего спроса со стороны населения, предприятий и государства. На сегодня это во многом высокотехнологичная продукция, которую данные государства не производят (по разным причинам) в национальной экономике. Итак, внешняя торговля играет решающую роль в социальном, экономическом, научно-техническом, инновационном процессах на Аравийском полуострове.

Каким же образом происходит ее развитие на современном этапе? Этот вопрос задают себе многие исследователи и практики. Некоторые исследователи считают, что страны Персидского залива являются ярким примером правильной организации торговых процессов как важной основы успешной экономической системы. Это позволяет им создавать благоприятный инвестиционный климат, обеспечивать стабильный прирост населения, устойчивый доход граждан, стабильный приток зарубежных инвестиций (Русакович В.И., 2017).

В данной статье мы будем опираться на статистическую информацию международной базы данных ЮНКТАД, которая дает нам возможность на основе сопоставимых показателей провести собственный анализ и сделать определенные выводы относительно особенностей товарной, географической структуры внешней торговли стран Персидского залива, а также ее динамики и степени зависимости от внешних и внутренних факторов.

Анализ внешнеторговых процессов стран ССАГПЗ

Внешняя торговля традиционно остается важнейшим фактором роста экономики многих стран мира и мирового хозяйства в целом. Страны ССАГПЗ активно включаются во внешнеторговые процессы на глобальном и региональном уровне и сохраняют на протяжении длительного времени положительное сальдо внешней торговли.

Выгодное географическое положение и значительный запас мировых энергоресурсов позволяют странам ССАГПЗ быть в центре мировой экономики и влиять на мировую торговлю стратегическими товарами. Регулируя объемы добычи и

поставок на мировой рынок таких товаров, как природный газ, нефть и нефтепродукты, страны ССАГПЗ могут влиять на динамику спроса и предложения на мировом рынке. Наряду с национальными компаниями, в регионе ведут разведку и добычу такие транснациональные нефтяные концерны, как «Шелл» (Shell), «ЭксонМобил» (ExxonMobil), «Бритиш Петролеум» (BP). Кроме того, Катар входит в пятёрку стран с наибольшей добычей природного газа. Угледородная специализация в международном разделении труда оказывает, в свою очередь, влияние на динамику внешней торговли стран ССАГПЗ.

Как видно из табл. 1, торговые процессы развиваются с ярко выраженной цикличностью. Так, в 2013 г. были достигнуты исторически наиболее высокие показатели стоимостного объема товарооборота и экспорта, а в 2014 г. — импорта рассматриваемой группы стран. Однако в 2015–2016 гг. заметен резкий спад в стоимостном объеме товарооборота стран ССАГПЗ в результате падения цен на мировом рынке нефти, с последующим трендом в 2017 г. в сторону его роста в результате изменения мировой конъюнктуры.

Государства ССАГПЗ начали сразу реагировать на обвал цен на мировом рынке нефти. Были предприняты следующие шаги для поддержания баланса бюджетов: финансовая политика жесткой экономии, которая предполагала одновременно снижение капитальных расходов и повышение цен на некоторые товары и услуги, координация ряда государственных проектов. В результате сложившейся ситуации странам ССАГПЗ пришлось сократить свои расходы в 2014 г. на 616 млн долл., в 2015 г. — на 563 млн, в 2016 г. — на 519 млн долл. из-за снижения цен на мировом рынке нефти относительно их максимального уровня, достигнутого в 2013 г., когда государственные расходы составили — 735 млн долл. (Бирюков Е.С., 2013). Одной из причин стоимостного падения экспорта стран ССАГПЗ остается мировая рецессия.

Поступления от экспорта нефти составляют в странах рассматриваемого региона в настоящее время в среднем порядка 85% от доходной части бюджетов стран, что, как известно, предопределяется наличием в их недрах огромных запасов нефти и газа. Однако в странах Залива все активнее осуществляются процессы диверсификации и трансформации национальных хозяйственных систем (Shkvarva L.V., Frolova E.D., 2017).

Таблица 1.

Динамика внешней торговли стран ССАГПЗ в 2008-2017 гг., млн. долл. в текущих ценах по текущему курсу

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЭКСПОРТ										
Бахрейн	17 316	11 873,65	14 971,25	19 650,23	19 768,09	21 930	20 130	16 540,43	12 784,57	17 560
Кувейт	87 457,02	54 008,1	69 977,95	102 102,7	118 911,8	115 103,5	102 110,7	54 122,22	46 234,48	55 831,57
Оман	37 719	27 651,5	36 601,3	47 091,81	52 138,1	55 497,13	50 718,32	31 926,52	24 454,71	29 440,88
Катар	67 307,14	48 007,14	74 964,48	114 448,3	132 961,5	136 855,3	131 591,6	77 971,08	57 253,57	67 280,92
КСА	313 462,2	192 314,1	251 143	364 699	388 400,8	375 872	342 432,5	203 550,1	183 579,5	218 173,6
ОАЭ	239 212,5	192 000	214 000	302 000	349 000	379 000	343 000	300 500	299 000	360 000
Всего экспорт ССАГПЗ	762 473,9	525 854,5	661 658	949 991,9	1 061 180	1 084 258	989 983,1	684 610,4	623 306,8	748 287
Доля ССАГПЗ в мировом экспорте, %	4,722	4,188	4,324	5,180	5,737	5,720	5,219	4,144	3,888	4,220
ИМПОРТ										
Бахрейн	14 980	10 100	12 260	12 730	12 830	14350	13 350,04	10 600,35	9 168,98	10 400
Кувейт	24 839,59	19 892,08	22 674,71	25 090	27 259,1	29 298,63	31 021,35	30 963,4	30 790,16	33 431,82
Оман	23 137,32	17 936,02	19 972,69	24 018,73	28 635,63	34 331,19	29 303,1	29 007,05	23 260,01	27 157,35
Катар	27 900,04	24 921,95	23 239,84	29 887,64	34 200	27 037,83	30 448	32 610	32 057,72	29 640,63
КСА	115 133,9	95 552,18	106 863	131 586,4	155 592,8	168 154,7	173 833,6	174 675,5	140 169,6	130 825,3
ОАЭ	200 299,8	150 000	165 000	203 000	226 000	239 000	276 000	263 000	271 000	268 000
Всего импорт ССАГПЗ	406 290,6	318 402,2	350 010,2	426 312,8	484 517,5	512 172,3	553 956,1	540 856,3	506 446,5	499 455,1
Доля ССАГПЗ в мировом импорте, %	2,467	2,509	2,270	2,315	2,601	2,706	2,911	3,240	3,124	2,782
Всего товарооборот ССАГПЗ	1168764,5	844256,7	1011668,2	1376304,7	1545697,5	1596430,3	1543939,2	1225466,7	1129753,3	1247742,1

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Под влиянием этих процессов страны ССАГПЗ экспортируют на внешний рынок 260 видов продукции¹ (2008–2017 гг.), что соответствует мировому показателю. За исследуемый период индекс концентрации экспорта (индекс Хиршмана)² сократился с 0,378 (максимальный уровень, 2008 г.) до 0,355 (минимальный уровень, 2016 г.). Это говорит о том, что экспорт региона все более сбалансирован, доля т.н. «нетрадиционных» для региона товаров увеличивается в экспорте, хотя региональный показатель существенно выше мирового при опережающих темпах его сокращения.

Таблица 2.

Индекс концентрации экспорта стран ССАГПЗ в 2008-2016 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Индекс концентрации экспорта ССАГПЗ	0,606	0,521	0,511	0,535	0,510	0,504	0,483	0,378	0,355
Мировой показатель индекса концентрации экспорта	0,086	0,074	0,077	0,083	0,086	0,084	0,078	0,064	0,062
Индекс диверсификации экспорта ССАГПЗ	0,606	0,521	0,511	0,535	0,510	0,504	0,483	0,378	0,355

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Что касается индекса диверсификации экспорта³, его величина также сокращается, что подтверждает положительные изменения в структуре экспорта стран ССАГПЗ. В частности, в странах региона растет объем экспорта средне- и высокотехнологичной промышленной продукции.

Кроме глобальной конъюнктуры мирового рынка углеводородов, актуализируются и другие факторы, оказывающие воздействие на товарную структуру экспорта государств ССАГПЗ. К ним, прежде всего, мы относим заметную трансформацию географии экспорта, как и внешней торговли в целом. Так, традиционные партнеры стран региона во внешней торговле — ЕС и США — постепенно сдают свои позиции.

¹ Классифицированные по методологии ООН виды продукции (SITC, Rev. 3 level). На 2018 г. их 260.

² *Индекс «концентрации экспорта» (индекс Хиршмана)* применяется в мировых сопоставлениях и показывает, насколько широкий спектр товаров экспортирует страна (регион). Значение индекса ближе к 1 указывает, что экспорт или импорт страны сконцентрирован на немногих продуктах, а значения, близкие к 0, означают, что товарная структура экспорта или импорта более сбалансирована. Подробнее см.: Finger J. M., Kreinin M. E., 1979.

³ *Индекс диверсификации экспорта* — это индекс отклонения товарной структуры экспорта страны (региона) от структуры мирового экспорта. Используется, как правило, для определения различий в структуре внешней торговли стран, экспорт которых является достаточно разносторонним. Рассчитывается на базе абсолютного отклонения доли того или иного товара в экспорте страны от его доли в мировом экспорте. Индекс диверсификации принимает значения от 0 до 1. Значение ближе 1 указывает на большее отклонение от мировой модели. Мировой показатель принимается за 0.

Напротив, ССАГПЗ все активнее включается во внешнеторговые процессы с Китаем, Индией, государствами АСЕАН.

К изменению товарной структуры экспорта страны ССАГПЗ подталкивает и необходимость стабилизировать свое социально-экономическое развитие, особенно в так называемую «постнефтяную» эру. В этой связи, опираясь на дешевую рабочую силу, обеспечиваемую региону трудовыми иммигрантами из более бедных стран Азии, а также Египта и других арабских государств, страны ССАГПЗ наращивают производство машин и оборудования, в том числе электрических приборов, продукции химической промышленности (парфюмерии, транспортных средств, строительных материалов, продукции металлургической промышленности) и др.

Таким образом, у стран ССАГПЗ есть необходимость трансформации товарной структуры экспорта в сторону роста ненефтяной составляющей — обеспечения стабильного социально-экономического развития и экономической безопасности как в случае волатильности цен на мировом рынке нефти, так и при условии исчерпания углеводородных ресурсов региона.

Существует и возможность диверсификации экспорта — деятельность СЭЗ во всех странах привлекают в экономику региона технологии, капитал, инновации, в том числе в управлении и организации производства. При наличии многочисленной и дешевой рабочей силы это дает возможность формирования новых направлений специализации. Для упрощения и облегчения внешнеторговых процессов в регионе и за его пределами, с 2016 г. во всех странах ССАГПЗ начала действовать система электронного таможенного клиринга. Это обеспечивает автоматизированное распределение доходов от сбора импортных пошлин между странами-участницами ССАГПЗ и значительно сокращает бюрократические процедуры, а также увеличивает объемы взаимной торговли.

Однако до настоящего времени эти возможности используются, на наш взгляд, недостаточно активно, чему препятствует низкий уровень образования и некоторые традиции хозяйственной жизни в регионе.

Полагаем, в то же время, что все более активное развитие внешней торговли с быстрорастущими странами Азии, а также с Россией, при условии, что государство и частный сектор будут уделять больше внимания уровню образования в регионе и осуществлять дальнейшую деятельность по сокращению имеющихся в регионе ограничений во внешней торговле и ведении бизнеса, диверсификация товарной структуры экспорта как тенденция может стать все более существенной.

Список литературы

1. Бирюков Е. С. (2013). Россия и страны ССАГПЗ — наращивание экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 49-56 [Biryukov E.S. (2013). Russia and the countries of GCC — increasing economic cooperation // Aziya i Afrika segodnya. № 9. pp. 49–56 (In Russian)].
2. Исаев В. А., Филоник А. О., Морозов В. М. (2017). Проблемы адаптации нефтегазового комплекса Аравийских монархий к современности // Этносоциум и

межнациональная культура. № 6 (108). С. 178-189 [Isaev V.A., Filonik A.O., Morozov V.M.(2017). Problems of adaptation of an oil and gas complex of the Arabian monarchy to the present // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. № 6 (108). pp. 178–189 (In Russian)].

3. Русакович В. И. (2017). Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 25. № 3. С. 393-404 [Rusakovich V.I. (2017). Economic development and diversification in Gulf States: current trends // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Series: Economy. V. 25. №. 3. pp. 393-404 (In Russian)].

4. Finger J.M., Kreinin M.E. (1979). A measure of export similarity and its possible uses // Royal Economic Society. Vol. 89 (356), 89: 905-12.

5. Shkvarya L.V., Frolova E.D. (2017). Transformations in socio-economic development of the Gulf Group states // Экономика региона. Т. 13. № 2. С. 570–578. [Shkvarya L.V., Frolova E.D. Transformations in socio-economic development of the Gulf Group states // Ekonomika regiona. V. 13. № 2. pp. 570–578].

TRANSFORMATION OF FOREIGN TRADE OF GULF STATES: TASKS AND OPPORTUNITIES

Vladimirov Stanislav Nikolaevich,

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

The article deals with the specifics of the foreign trade processes of the Gulf countries at the present stage. On the basis of the macroeconomic analysis carried out in the article, the author has established the presence of a trend towards export diversification of the considered group of countries. At the same time, a significant imbalance of exports in the commodity structure remains.

Key words: foreign trade, GCC, export diversification, transformation of foreign trade.

JEL-codes: F 10, F 17.

АВТОМОБИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Черников Алексей Владимирович

В статье рассматриваются особенности и направления развития автомобильного сегмента в странах ССАГПЗ. Автор исследует региональный автомобильный рынок и факторы его динамики. Показана важная роль регулирования данной сферы на государственном и региональном уровне. По мнению автора, в регионе существуют возможности для автопроизводства. Однако перспективы развития автопрома в странах ССАГПЗ, по мнению автора, пока остаются неопределенными.

Ключевые слова: автомобильная промышленность, ССАГПЗ, диверсификация, Азия.

JEL-коды: F 10, F 17.

Интерес к автомобильной промышленности и производству проявляет множество стран мира, в том числе развивающиеся страны. Это происходит в рамках попыток — более или менее успешных — по диверсификации национальных хозяйственных систем, так как эта необходимость все более отчетливо встает перед развивающимися странами, что отмечают специалисты (Русакович В. И., 2017; 2015). Эта необходимость предопределяется, во-первых, продолжающейся мировой рецессией, проходящей в условиях роста глобальной неопределенности. Во-вторых, на современном этапе промышленность, особенно машиностроение, и в значительной степени — автомобильная промышленность, может обеспечить долгосрочный экономический рост (Айдрус И. А. З., 2017).

Эти вопросы все острее встают перед странами Персидского залива — как на страновом, так и на региональном уровне, особенно в условиях падения мировых цен на нефть и необходимости как поиска новых устойчивых источников дохода, так и создания рабочих мест.

Продажа автотранспортных средств в странах ССАГПЗ по стоимости достигает порядка 4 млн долл. ежегодно, а его потенциал оценивается до 7 млн. В то же время данный рынок остается неустойчивым и подвержен как резким спадам, так и подъемам (табл. 1 и рис. 1).

По оценкам экспертов, в период до 2022 г. реализация автотранспортных средств для личных потребностей в регионе будет в 2 раза быстрее, чем в Северной Америке и ЕС — на 25% (до около 1,75 млн).

Черников Алексей Владимирович — к.э.н., Генеральный директор «Русское подворье», г. Москва

Это связано как с ростом денежных доходов населения, так и попытками государств ССАГПЗ трансформировать региональную специализацию в международном разделении труда, в том числе в связи с изменением роли Китая и Индии в мировом хозяйстве (Shkvarya L. et al., 2016).

Таблица 1.

**Продажи автотранспортных средств в странах Залива в 2005-2015 гг., всего,
тыс. единиц**

Страны	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Бахрейн	20	23	25	36	38	35	31	47	53	61,1	58,3
Кувейт	80	84	90	99,5	108,5	110	114,5	140	151,5	152,3	143,8
Оман	207,1	204,6	203,9	198,5	155,5	178	169,5	204,5	215	208,4	167,6
Катар	84,5	83,4	83,1	81	55	55,5	61	80	85	92,9	86,4
КСА	562,9	556,1	554,4	540	520	600	590	705	740	828,2	830,1
ОАЭ	157	175	165	233,6	205,1	168,3	243,98	268,9	263,1	263,1	256,7
ССАГПЗ	1111,5	1126,1	1121,4	1188,6	1082,1	1146,8	1209,98	1445,4	1507,6	1606	1542,9

Источник: составлено автором по данным [GCC automotive market, 2016].

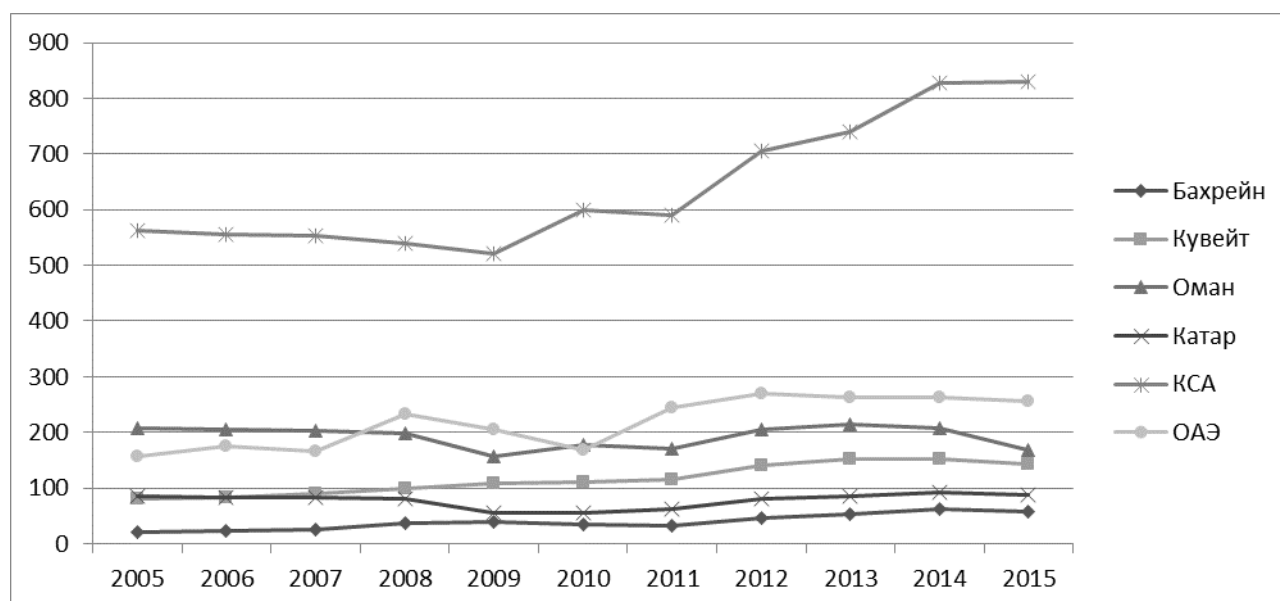


Рис. 1. Продажи автотранспортных средств в странах Залива в 2005-2015 гг., всего, тыс. единиц.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

По мнению мировых аналитиков Frost & Sullivan, в настоящее время на дорогах Саудовской Аравии — ведущего автомобильного рынка в регионе — работает около 750 тыс. грузовиков и автобусов; эта цифра будет расти на 8,4% ежегодно и достигнет 1,2 млн к 2020 г. (Frost & Sullivan, 2017).

Приток новых и подержанных коммерческих автомобилей в стране стимулирует спрос на запчасти. Этот сегмент рынка в 2014 г. в стоимостном выражении превысил 2 млрд долл. и, по оценкам, достигнет 3,65 млрд долл. к 2020 г. (GCC automotive market, 2016).

ОАЭ является вторым по величине автомобильным рынком в регионе после Саудовской Аравии, в том числе автомобилей, запчастей и аксессуаров, а также прицепов и полуприцепов, грузовых автомобилей, общественного транспорта, тракторов и других транспортных средств.

На Саудовскую Аравию и ОАЭ приходится более 70% автомобильного импорта стран Залива, причем львиная доля этого импорта приходится на последующий реэкспорт на азиатские и африканские рынки. Оман также является одним из основных реэкспортных узлов в регионе.

Однако продажи легковых машин в странах ССАГПЗ сократились в 2015 г. относительно 2014 г. в результате сокращения экономического роста в регионе из-за ситуации на мировом рынке нефти. Также сократился и реэкспорт автотранспортных средств в регионе, включая и сегмент легковых автомобилей.

Однако эту ситуацию мы рассматриваем как временную, так как уже в 2017 г. наметился устойчивый рост в региональной экономике, затронувший все страны региона (хотя и в различной степени).

Также мы связываем наш прогноз с тем, что в некоторых странах (например, Саудовской Аравии и ОАЭ) уже созданы сборочные подразделения крупных автопроизводителей — Mercedes, Volvo, Scania.

Растет автомобильный кластер и в Бахрейне на основе сотрудничества Bahrain Alloys Manufacturing Company, BAMCO с немецкой компанией BBS Kraftfahrzeugtechnik AG, производящей автомобильные диски.

Бахрейнская «Аль-Хаддад Моторс» с 1958 г. выступает генеральным дистрибьютором Mercedes-Benz в Бахрейне в сфере обслуживания владельцев автомобилей и производства оригинальных запчастей и аксессуаров.

В компании «Мохаммед Джалал и сыновья» (Mohammed Jalal & Sons WLL), автомобильный дивизион которой был создан в 1964 г. и, будучи эксклюзивным дилером Jaguar и Suzuki в Королевстве, держит франшизу Пежо и Субару, осуществляя их обслуживание и ремонт. Компания объявила о своем партнерстве с китайским автомобильным гигантом Dongfeng Motor Corporation (DFM), одним из 4-х крупнейших китайских автомобильных госкорпораций, осуществляющих, помимо производства, также НИОКР и промышленную экспертизу (Русакович В.И., 2016).

Сотрудничая с 6-ю мировыми автопроизводителями, Dongfeng имеет больше совместных предприятий, чем любой другой китайский автоконцерн. В настоящее время Дунфэн работает над расширением своего присутствия в Бахрейне на основе агрессивной маркетинговой кампании, предлагая широкую продуктовую линейку — потребительские и коммерческие автомобили, средние, легкие и тяжелые грузовики и автобусы, а также распространяется на технику специального назначения и модифицированные транспортные средства, используемые в шахтах, портах, нефтяных полях, пустынях и городском строительстве.

Ruf Automobile GmbH — немецкий производитель спортивных автомобилей и суперкаров на базе автомобилей марки Porsche — также присутствует в Бахрейне. В Бахрейне компания Ruf Automobile GmbH инвестировала 50 млн. долл. с целью создать полноценный сервис, производственной и маркетинговой базы в Королевстве — первым объектом такого рода за пределами Германии — на основе совместного предприятия RUF-Middle East (RUF-ME). Завод с полным производственным циклом уже функционирует. Ключевые факторы, повлиявшие на решение компании создать производственную базу в Королевстве — дружественная инвестиционная политика правительства Бахрейна (есть налоговые льготы — например, в сравнении с Германией, — что имеет довольно большое значение), отличная инфраструктура и беспрепятственный доступ к региональным рынкам. Немаловажную роль сыграл тот факт, что в Бахрейне расположена трасса Формулы 1 и страна стала ключевым рынком для высокоскоростных, высокопроизводительных автомобилей, и завод расположен в непосредственной близости от нее. При том, что компания производит в год около 35 автомобилей, которые приобретаются автолюбителями, гонщиками и ценителями, в Бахрейне планируется производить около 20 автомобилей различных моделей на платформе Porsche в год с возможностью последующего расширения и экспорта на рынки стран Залива и Азии. Также планируется увеличить выручку до 12-20 млн. долл. в течение ближайших 5 лет (Айдрус И.А.З., Шкваря Л.В., 2015).

Alwardi Transport, одна из крупнейших логистических компаний, также работает на рынках Бахрейна, Саудовской Аравии и ОАЭ, открыла в 2014 г. завод по производству трейлеров в Бахрейне (около 30 единиц в год).

Это сотрудничество дает возможность Бахрейну диверсифицировать свою экономическую деятельность, расширять занятость для граждан страны и повышать квалификацию своих работающих, а также шанс для выхода на мировой рынок с принципиально новой и нетрадиционной продукцией.

Таким образом, исследование показало значительное развитие автомобильного сегмента в регионе Персидского залива, хотя и существенно дифференцированное по странам. До недавнего времени присутствие мировых автоконцернов в регионе ограничивалось продажами автомобилей (как новых, так и подержанных) в рамках их импорта, а также обслуживания.

Однако в 2005-2013 гг. в регионе начался процесс создания производственных мощностей по сборке автомобилей (в ОАЭ и Саудовской Аравии) и их полноценному производству в Бахрейне. И хотя роль автомобилестроения в регионе более чем скромная с точки зрения вклада отрасли в региональный ВВП, перспективы ее развития весьма обнадеживающие ввиду устойчивого социально-экономического, финансового и демографического фактора.

В этом процессе велика роль государственного регулирования, которое создало дружественный инвестиционный климат и поддерживает на протяжении длительного времени промышленное производство. Однако в автомобильном сегменте роль государства должна также охватывать сферу «зеленого менеджмента», как было показано в статье. В этом случае у автомобильной промышленности в регионе есть

шансы устойчивого развития и — в перспективе — превращения в катализатор социально-экономических процессов.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З. (2017). Транспортная составляющая Королевства Бахрейн и ее роль в трансформации национальной экономики / Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: Сборник научных трудов. Москва [Aydrus I.A.Z. (2017). Transport component of the Kingdom of Bahrain and her role in transformation of national economy / National and international financial and economic problems of the motor transport: Collection of scientific works. Moscow (In Russian)].
2. Айдрус И. А. З., Шкваря Л. В. (2015). Экономическое развитие и структурные сдвиги в экономиках стран Персидского залива (опыт Бахрейна). М.: РУДН, 2015 [Aydrus I.A.Z., Shkvarya L.V. (2015). Economic development and structural shifts in economies of Gulf States (experience of Bahrain). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (In Russian)].
3. Русакович В. И. (2015). Государственное регулирование в автомобильной промышленности ЮАР и рост конкурентоспособности // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 16-24 [Rusakovich V.I. (2015). State regulation in automotive industry of the Republic of South Africa and growth of competitiveness // Nauchnoe obozrenie. Series 1: Economy and right. № 5. pp. 16–24 (In Russian)].
4. Русакович В. И. (2016). Автомобильный сегмент в странах Персидского залива: возможности развития и необходимость государственного регулирования // Экономика и предпринимательство. № 3-2 (68-2). С. 489-493 [Rusakovich V.I. (2016). Automobile segment in Gulf States: possibilities of development and need of state regulation // Ekonomika i predprinimatel'stvo. № 3-2 (68-2). pp. 489–493 (In Russian)].
5. Русакович В. И. (2017). Не нефтью единой. Диверсификация национальных экономик в странах ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 33–40 [Rusakovich V.I. (2017). Not oil uniform. Diversification of national economies in the countries of GCC // Aziya i Afrika segodnya. № 2. pp. 33-40 (In Russian)].
6. GCC automotive market (2016). URL: <http://ww2.frost.com>
7. Shkvarya L., Grigorenko O., Strygin A., Rusakovich V., Shilina S. The impact of the global economic crisis on Asian technology markets. (India and China) // Central Asia and the Caucasus. 2016. T. 17. № 2. С. 103–113.
8. Stricter Laws, Green Marketing and Public-Private Partnerships to be Key Drivers for End-of-Life Vehicles Recycling Market in the GCC (2017) // Frost & Sullivan. URL: <http://www.frost.com>

AUTOMOTIVE INDUSTRY IN GULF STATES: MYTH OR REALITY?

Chernikov Alexey Vladimirovich,

In article features and the directions of development of an automobile segment in the countries of GCC are considered. The author investigates the regional automobile market and factors of its dynamics. The important role of regulation of this sphere at the state and regional level is shown. According to the author, in the region there are opportunities for autoproduction. However the prospects of development of automotive industry in the countries of GCC, according to the author, remain uncertain so far.

Keywords: automotive industry, GCC, diversification, Asia.

JEL-codes: F 10, F 17.

БЕНЧМАРКЕТИНГ В ЯПОНИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Денисов Роман Вячеславович,

В статье показано развитие бенчмаркетинга в Японии как фактора повышения японской экономики. Автор рассмотрены развитие и организация бенчмаркетинга в Японии и показана роль этого вида деятельности как катализатора экономического и технического прогресса в стране, который имел место после второй мировой войны. Автор приходит к выводу о том, что современная российская действительность и стоящие перед РФ задачи требуют более широкого применения эффективного иностранного опыта, в данном случае — японского бенчмаркетинга.

Ключевые слова: бенчмеркетинг, Япония, конкурентоспособность, экономическая безопасность предприятия.

JEL-коды: F 20.

Эффективная работа субъектов хозяйствования сегодня зависит, прежде всего, от наличия у его топ-менеджмента максимально полной и достоверной информации о партнерах и конкурентах, а также о рыночной ситуации. Вовремя поступающая информация позволяет руководству предприятия своевременно находить правильные управленческие и бизнес-решения, что содействует устойчивому развитию предпринимательской деятельности. Наличие у руководства предприятия информации о грядущих переменах в бизнес-среде, предупреждение тактических и стратегических просчетов и ошибок, сбор, оценка и анализ данных, предполагают наличие на предприятии определенной структуры экономической безопасности, разработки и применения специфических методов ее обеспечения.

Одним из таких специфических методов современной конкурентной борьбы в мировой экономике является бенчмаркетинг. Термин «бенчмаркетинг» имеет английское происхождение: benchmark переводится дословно как «начало отсчета», «зарубка». В наиболее общем смысле benchmark — это что-то, отличающееся определенным количеством, или качеством, или способностью быть использованным как эталон или образец при сопоставлении с аналогами. Как отмечают исследователи, первоначально он трактовался как способ оценки производительности труда компании, в дальнейшем его начали применять для оценки деятельности конкурентов (Панькова А. И. и др., 2017). В соответствии с мнением Г. Зиберта и Ш. Кемфа, бенчмаркинг представляет собой поиск лучших приемов и методов организации производства и их внедрения на предприятии (Данилов И. П., 2005).

Денисов Роман Вячеславович — к.э.н., ОАО «Государственный проектно-изыскательный институт земельно-кадастровых съемок им.П.Р.Поповича», denisov-r@yandex.ru

Бенчмаркетинг — это исследование конкурентных преимуществ товаров, услуг, компаний, которое осуществляется на основе открытых и доступных образцов и информации (как правило, из открытых источников) для развития собственной производственной линейки и/или бизнес-процессов. В то же время он не предполагает глубоких аналитических процессов исследования данных, что не дает возможность бенчмаркетингу непосредственно формировать возможные прогнозы эволюции компании и глубоко анализировать внешнюю бизнес-среду.

Научно-теоретические аспекты бенчмаркинга получили отражение в исследованиях многих специалистов, в том числе Г. Ватсона, Э. Деминга, Дж. Джуран, М. Заира, Ф. Кросба, Р. К. Кэмп, Х. Дж. Харрингтона, которые рассматривали бенчмаркетинг как разновидность маркетинга или менеджмента (Лысов О. Е., 2017). Однако некоторые авторы полагают, и мы согласны с этой точкой зрения, что бенчмаркетинг можно рассматривать и как разновидность современной коммерческой (или деловой) разведки (Гусева Н. М., Медведев Г. Б., 2015).

Развитие бенчмаркетинга актуализируется в настоящее время в связи с ростом IT-технологий и необходимостью, с одной стороны, устанавливать преимущества конкурентов на рынке, а с другой — защищать собственную экономическую безопасность предприятия (Столярова Е. И., 2009) и страны в целом.

История вопроса

Основателями бенчмаркетинга, появившегося в середине XX в., считают японцев, которые научились очень качественно имитировать лучшие зарубежные достижения. Они тщательно исследовали образцы европейских и американских товаров и услуг, чтобы выявить их сильные и слабые стороны, а затем выпускали нечто подобное по более низкой цене. При этом японцы успешно переносили технологии и ноу-хау из одной сферы бизнеса в другую (кстати, нужно отметить, что это сегодня активно используется в Китае) (Маслов Д., Белокопровин Э., 2005).

Однако еще египетские торговые дома, афинские торговцы и родосские купцы и другие заинтересованные лица осуществляли сбор информации, наличие которой могло бы способствовать коммерческому успеху. Не всегда при этом ограничивались только информацией.

Книга «Искусство войны» китайского философа Сунь Цзы гласила: «Если просвещенный государь или рассудительный генерал одерживают победу над противниками каждый раз, когда они переходят к действиям, то это достигается благодаря предварительной информации. Так называемая предварительная информация не может быть получена ни от духов, ни от божеств, ни по аналогии с прошлыми событиями, ни путем расчетов. Ее необходимо получить от человека, который знаком с ситуацией противника» (Сунь-Цзы, 2003).

Так, в IV в. нашей эры странствующие монахи, имея соответствующее задание, доставили из Китая византийскому императору Юстиниану личинки шелкопряда, которые спрятали в своих полых посохах. Секрет изготовления шелка был раскрыт, в результате чего Китай потерял монополию и, как следствие, — огромные доходы.

Исследователи полагают, что бенчмаркетинг использовался в Японии еще со времен эпохи Мэйдзи — «Просвещенного правления», круто изменив вектор своего промышленного развития в 1868 г., когда император Муцухито выдвинул обширную программу реформирования страны. Одним из пунктов этой программы был тезис о «...заимствовании знаний во всем мире, и таким путем упрочения основ империи...» (Абдулаев Э.Н., Мендрин В.М., 1999). Считается, что в тот момент Япония открылась для Запада, однако было бы правильнее считать, что это Запад открылся для Японии.

Уже через четверть века японцы, используя западные технологии и западные достижения, имели промышленно развитую империю, с одним из самых мощных в мире флотов, что позволило им одержать победу над Российской Империей в войне 1904-1905 гг.

В дальнейшем, в период между двумя мировыми войнами с помощью таких методов, как ценовая война, протекционизм со стороны государства и незаконное копирование технологий, Япония победила своих британских и американских конкурентов. Начиная с 1910 г. изделия с маркой «сделано в Японии» стали символами товаров, одинакового качества с европейскими или американскими, однако гораздо более дешевых.

В первую очередь японцы интересовались промышленными секретами, которые можно использовать в военных целях. В результате использования промышленного шпионажа на государственном уровне, Страной Восходящего солнца были получены новейшие способы литья стали, изготовления пороха, торпед, прожекторов, оптики. Характерны случаи проникновения японских инженеров на Британские судостроительные верфи, под предлогом размещения заказов. Внимательно и скрупулезно осматривая строящиеся суда вместе с чертежами, они вскоре начинали строить такие же у себя.

Приемы и методы бенчмаркетинга и деловой разведки также позволили Японии после поражения во Второй мировой войне достаточно быстро оправиться и занять одно из лидирующих мест в числе наиболее экономически развитых стран. Методы бенчмаркетинга стали активно использоваться крупнейшими мировыми компаниями, что принесло ощутимые результаты, причем без материальных и репутационных потерь.

Бенчмаркетинг в Японии: современный этап

Японцы первыми стали применять деловую разведку в современном смысле этого слова вскоре после окончания Второй мировой войны, они же стали и создателями бенчмаркетинга, как инструмента достижения конкурентного преимущества. Именно это обеспечило стремительный взлет японской экономики в 1960-х гг., получивший потом название «японское чудо».

В Японии Benchmarking соотносится по содержанию с японским словом «dantotsu», означающем «усилие, беспокойство, заботу лучшего (лидера), стать еще лучшим (лидером)» (Денисов Р.В., 2012).

Особенностью японского менталитета является чрезвычайная дисциплинированность, терпение, трудолюбие и практичность, что уже само по себе

является прочной базой для устойчивого развития, в том числе — в экономической сфере. Информация, полученная японцами в США, Европе и других экономически развитых странах была тщательным образом изучена, проанализирована и адаптирована для японских условий. На основе полученных знаний и японского трудолюбия была в кратчайшие сроки восстановлена промышленность, разрушенная войной, развито производство. Японцы раньше других поняли, что информация — это ценный товар, и никогда не оставляют даже, на первый взгляд незначимую информацию без внимания, тем более, что в Японии работа в информационной сфере очень престижна и высокооплачиваемая.

Секрет японской осведомленности заключается в простом правиле: сбор данных является обязанностью и каждодневной работой каждого сотрудника компании, где бы он ни находился. Сотрудники, направленные в командировку за границу, постоянно присылают отчеты для подразделения деловой разведки. В среднем японская компания ежедневно получает несколько тысяч информационных сообщений от своих сотрудников из-за границы.

Японцы постоянно посылают на учебу за рубеж своих студентов, приветствуют программы обмена опытом. На всех международных выставках и семинарах, всегда много представителей Японии, они едут туда целыми командами, составленными из разных специалистов. Японцы всегда задают вопросов больше других, более тщательно осматривают стенды зарубежных компаний и всегда стремятся узнать что-то новое.

Вскоре использование лучших мировых технологий и ноу-хау как в области производства, так и менеджмента, которыми до недавнего времени владел только Запад, японцы стали считать своими конкурентными преимуществами. Они тщательно исследовали западные товары и услуги с тем, чтобы выявить их сильные и слабые стороны, а затем произвести более конкурентоспособные модификации, предложив их рынку по более низкой цене. При этом японцы успешно переносили технологии и из одной сферы бизнеса в другую. Период интенсивного заимствования западных технологий продолжался до конца 1960-х гг. К этому времени японские компании вплотную догнали западные. «Европейские и Японские компании доминируют в патентах США уже больше чем 20 лет. Японские фирмы используют наши университеты как конкурентные инструменты путем финансирования программ и научных исследований», — писали в 1992 г. Р. Комбс и Д. Мурхед в своей книге «Введение в конкурентную разведку» (Combs R.E., Moorhead J.D., 1993).

Когда в 1985 г. японских предпринимателей спросили: «Каковы основные мотивы вашей экспансии за рубежом?» — на 2-м месте после расширения рынков был назван сбор технической и управленческой информации (Грейсон Д., О'Дэлл К., 1991).

Важной частью японского информационного потока являются СМИ. Японские деловые газеты разительно отличаются по составу и количеству представленной в них информации от европейских, американских и российских изданий и, вполне могут служить важным источником информации для подразделений деловой разведки.

Соперничество между деловыми газетами в Японии весьма высоко, поэтому каждая из них стремится привлечь к себе внимание читателей путем помещения на страницы дополнительной информации. По количеству предлагаемого фактического материала,

статистики, схем, аналитических справок и прогнозов практически любая японская деловая газета намного превосходит «The Wall Street Journal» — лидера американской деловой прессы. Японские газеты являются весьма ценным источником информации, но опять же весьма труднодоступным для иностранцев в связи с языковым барьером.

Деловая разведка за десятилетия своего использования органично вошла в японскую деловую жизнь и стала неотъемлемой ее частью. Японские корпорации при выходе на новый рынок обычно придерживались следующей стратегии:

- сбор и анализ информации о новом рынке (от выпускаемой продукции до истории и обычаев);
- подробное изучение конкретной отрасли деятельности, изучение конкурентов;
- регистрация и создание собственных предприятий на рынке и сети сбыта своей продукции;
- разработка более дешевой и качественной модели продукции, чем у конкурентов;
- «наступление» на рынок.

По такому алгоритму, в частности, Япония вышла на американский автомобильный рынок, когда в результате топливного кризиса большие американские автомобили, потреблявшие много бензина, перестали пользоваться популярностью. Тогда потребителям были предложены небольшие по размерам, но очень экономичные и надежные японские машины.

В этой связи важно упомянуть особенность организации японской экономики, а именно — корпоративность (корпоративизм). В Японии много крупных компаний, объединенных в холдинги, которые, в свою очередь, объединяются в корпорации. Японские корпорации представляют собой группы коммерческих и торговых компаний и играют основную роль в функционировании и развитии японской экономики. В других странах такие образования отсутствуют. Очевидно, что корпорации обладают мощной информационной базой для своей деятельности (Ikeya N., Ishikava K., 2001).

Одними из лучших в мире считаются подразделения деловой разведки компаний Toyota, Toshiba и корпорации Mitsubishi. Компании и корпорации имеют свои офисы и представительства в более чем 200-х странах мира и ведут с ними тесный информационный обмен. Широко используются новые информационные технологии. Большинство компаний и корпораций имеют отлаженную внутреннюю информационную сеть, свои базы данных, сеть позволяет распределять внутреннюю информацию фирмы как внутри компании, так по зарубежным филиалам, а также доступ к газетам, профессиональным базам данных и иным источникам информации. Государственные органы, обладающие богатыми информационными ресурсами, работают в тесном контакте с корпорациями и осуществляют сбор и распределение между корпорациями информации, находящейся в их распоряжении. В свою очередь корпорации также делятся информацией с государственными органами и между собой. Особенности японского характера таковы, что две японские компании-конкуренты могут поддержать друг друга, если у них появляется общая цель — удалить с рынка третьего зарубежного конкурента.

Основные методы, используемые корпорациями Японии в деловой и конкурентной разведке выглядят следующим образом (Потапов М.А., 2008):

- посещение предприятий (в конце 1970-х гг. 1500 японских экспертов буквально

- наводнили Кремниевую (Силиконовую) Долину в Калифорнии, США);
- финансирование контрактов на выполнение научно-исследовательских работ за рубежом с целью проникновения в некоторые лаборатории (с этой целью в 1986 г. знаменитая «MIT» получила от японских фирм 10 млн долл.);
- отправка на учебу за рубеж студентов и стажеров (только в США — 140 тыс. человек);
- бесконечные безрезультатные переговоры, в процессе которых постоянно запрашивается дополнительная информация;
- похищение чертежей и технической информации;
- шпионаж и простое воровство.

Построение подобной системы разведки, являющейся своеобразным эталоном для других стран, было бы невозможно без всесторонней поддержки со стороны государства и использования для этих целей разнообразных государственных ресурсов. Японское государство пошло даже на то, что при проникновении на ключевые рынки Запада, компенсировало своим фирмам и предприятиям высокие таможенные пошлины.

Главным образом государственную политику в сфере деловой разведки осуществляют 3 ведомства:

- Министерство торговли и промышленности (MITI).
- Агентство международного сотрудничества (ACA).
- Японская организация внешней торговли (JETRO).

В 1956 г. под эгидой Правительства Японии создана некоммерческая организация Japan External Trade Organization. (JETRO) (Кузнецов С.В., 2007). В настоящее время она располагает представительствами в 57 странах мира (включая Россию), где работает более 1200 сотрудников. Более 60% современного бюджета JETRO — это правительственные субсидии. JETRO является крупнейшим японским исследовательским и консультационным центром, осуществляющим сбор, анализ и распространение зарубежной экономической и технологической информации. К тому же, кроме осуществления экономической разведки, JETRO помогает иностранным производителям и инвесторам наладить бизнес и сбыт в Японии (Кузнецов С.В., 2007).

Массивы открытой деловой информации, имеющейся у JETRO, просто огромны, но доступны они почти исключительно только японцам по причине языкового барьера. Большинство информации, имеющейся в агентстве, распространяется через издаваемые JETRO журналы и сборники (например, журнал Focus Japan). Помимо обеспечения японских корпораций, компаний и физических лиц общедоступной информацией, JETRO ведет огромную аналитическую работу в интересах японских клиентов, готовит закрытые аналитические обзоры и справки по различной тематике, выполняет конкретные заказы на поиск информации. Результаты закрытой аналитической работы не раскрываются зарубежным конкурентам, а предназначены для использования внутри японских компаний.

Информация циркулирует в этой экономической системе по множеству перекрещивающихся каналов, попадая в банки, страховые компании и промышленные предприятия. Тем самым осуществляется согласование действий между продавцами и

рынком, между финансистами и промышленниками, между учреждениями и предприятиями, что в итоге облегчает разработку долгосрочной глобальной стратегии.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что японский механизм системы сбора экономической информации был создан для скорейшего послевоенного возрождения страны. Он заложен в коллективной культуре информации, в высоком патриотизме предприятий и концентрации усилий на сугубо экономических вопросах. Таким образом, он может одновременно служить как приоритетным целям нации, так и оперативным потребностям предприятий.

Также хотелось бы отметить, что бенчмаркинг, который представляет собой достаточно эффективную технологию управления, было бы целесообразно активнее применять и в российской практике. Его использование на основе адаптации практического опыта Японии может оказаться весьма эффективным как в хозяйственной деятельности предприятий, так и в практике государственного управления в направлении совершенствования и стимулирования инноваций, включая их коммерциализацию. При этом речь идет не просто о заимствованиях или копировании иностранного опыта или достижений, но о приспособлении их к национальным возможностям, потребностям и особенностям и их реализации на рынке на основе повышения собственной конкурентоспособности.

Список литературы

1. Панькова А. И., Грицунова С. В., Кубышкина Е. В. (2017). Бенчмаркетинг: актуальность и практика применения в России / В сборнике: Поколение будущего: Взгляд молодых ученых — 2017. М. С. 258-261 [Pan'kova A.I., Gricunova S.V., Kubyshkina E.V. (2017). Benchmarking: relevance and practice of application in Russia / In the collection: Generation of the future: A look of young scientists — 2017. Moscow pp. 258-261 (In Russian)].
2. Данилов И. П., Михайлова С. Ю., Данилова Т. В. (2005). Бенчмаркинг — эффективный инструмент повышения конкурентоспособности // Стандарты и качество. № 1. [Danilov I.P., Mihajlova S.Yu., Danilova T.V. (2005). Benchmarking — the effective instrument of increase in competitiveness // Standarty i kachestvo. № 1. (In Russian)].
3. Лысов О. Е. (2017). Использование бенчмаркетинга в исследовании управленческих ситуаций // Актуальные проблемы экономики и управления. № 3 (15). С. 62-70 [Lysov O.E. (2017). Use of a benchmarking in a research of administrative situations // Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya. № 3 (15). pp. 62-70 (In Russian)].
4. Гусева Н. М., Медведев Г. Б. (2010). Применение механизмов стратегического управления, контроля и аудита в органах государственной власти (опыт развитых стран Запада) // Контроллинг. № 2 (35) [Guseva N.M., Medvedev G.B. (2010). Use of mechanisms of strategic management, control and audit in public authorities (experience of the developed countries of the West) // Kontrolling. № 2 (35) (In Russian)].
5. Кайдзен И. М. (2015). Ключ к успеху японских компаний. М. [Kajdzen I.M. Key to success of the Japanese companies. Moscow (In Russian)].

6. Столярова Е. И. (2009). Развитие государственного предпринимательства: теория и практика. Дисс....к.э.н. 08.00.01. М.: РУДН, 2009 [Stolyarova E.I. (2009). Development of the state business: theory and practice. Thesis... PhD Econ. 08.00.01. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (In Russian)].
7. Маслов Д., Белокоровин Э. (2005). Малый бизнес: японский путь к успеху. М. [Maslov D., Belokorovin E. (2005). Small business: Japanese way to success. Moscow (In Russian)].
8. Сунь-Цзы. (2003). Искусство войны: Стратегия и тактика победителя. М.: ЭКСМО. С.41-43 [Sun'-Czy. (2003). War art: Strategy and tactics of the winner. Moscow: EKSMO. pp. 41-43 (In Russian)].
9. Абдулаев Э. Н., Мендрин В. М. (1999). История сегуната в Японии (Нихон гайси). СПб.: Летний сад. Т.1. С. 102-105 [Abdulaev E.N., Mendrin V.M. (1999). Segunat history in Japan (Nihon gajsi). St. Petersburg: Letnij sad. V.1. pp. 102-105 (In Russian)].
10. Денисов Р. В. (2012). Деловая разведка как фактор повышения конкурентоспособности предприятия. Дисс... к.э.н. 08.00.05. М.: РУДН, 2012 [Denisov R.V. (2012). Business investigation as factor of increase in competitiveness of the enterprise. Thesis... PhD Econ. 08.00.05. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (In Russian)].
11. Грейсон Д., О'Дэлл К. (1991). Американский менеджмент на пороге XXI века. М.: Экономика [Grayson D., O'Dell K. (1991). The American management on the dawn of the 21st century. Moscow: Ekonomika (In Russian)].
12. Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахмтов А. В. (2008). Экономика современной Азии. М.: Международные отношения [Potapov M.A., Salickij A.I., Shahmtov A.V. (2008). Economy of modern Asia. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (In Russian)].
13. Кузнецов С. В. (2007). Парадоксы конкурентной разведки [Kuznetsov S.V. (2007). Paradoxes of competitive investigation (In Russian)]. URL: <http://www.onlineci.ru/paradoksy-konkurentnoj-razvedki.htm>
14. Combs R.E., Moorhead J.D. (1993). The competitive intelligence handbook. Scarecrow Press.
15. Ikeya N., Ishikava K. (2001). The Japanese Intelligence Culture // Competitive Intelligence Review. № 4. pp. 51-56.

BENCHMARKING IN JAPAN AS THE FACTOR OF INCREASE IN COMPETITIVENESS: HISTORY AND PRESENT

Denisov Roman Vyacheslavovich,

State design and survey Institute land-cadastral surveys
named after P.R. Popovich

The article shows the development of benchmarking in Japan as a factor in improving the Japanese economy. The author considers the development and organization of benchmarking in Japan and shows the role of this activity as a catalyst for economic and

technological progress in the country, which took place after the second world war. The author comes to the conclusion that the modern Russian reality and the challenges facing the Russian Federation require a wider application of effective foreign experience, in this case — the Japanese benchmark.

Key words: benchmarking, Japan, competitiveness, economic security of the enterprise.

JEL-codes: F 20.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ БАНГЛАДЕШ КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Лохмутов Сергей Владимирович

В статье показано социально-экономическое развитие Бангладеш и роль в этом процессе промышленного сектора. Автор показывает существенный прогресс в процессе индустриализации Бангладеш. В то же время он отмечает и сохраняющиеся проблемы, требующие своего решения для обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: Бангладеш, промышленное развитие, индустриализация, социально-экономическое развитие.

JEL-коды: O 530, L 690, F 290.

Введение

Народная Республика Бангладеш (НРБ) — это государство, которое в 1757-1947 гг. входило в состав Британской Индии, с 1947 г. — в состав Пакистана, и получило свою независимость в 1971 г., сохраняя практически только аграрный сектор экономики. Эта особенность до настоящего времени проявляется в соотношении городского и сельского населения. Согласно международным статистическим данным, городское население Бангладеш на 2016 г. составляло лишь 35% от общей численности населения, что существенно ниже мирового уровня.

На протяжении длительного периода это обстоятельство оставалось серьезным вызовом для страны, и как ученые, так и практики стремились разработать и внедрить программы развития промышленности в стране (Momtaz U. A., 1984; Чоудхури М. С. К., 1997). Однако в российской научной литературе различные аспекты социально-экономического, промышленного, внешнеторгового развития Бангладеш не получили своего освещения, хотя СССР был одной из первых стран, установивших дипломатические отношения с молодой республикой (25 января 1971 г.).

В данной статье мы предлагаем исследование социально-экономического и промышленного развития Бангладеш на основе статистического анализа международных (ЮНКТАД) данных.

Бангладеш: экономические и демографические показатели

На протяжении всего периода независимости Бангладеш, развиваясь как аграрно-индустриальная страна, продолжает оставаться одним из наименее развитых в экономическом отношении государств мира (Шкваря Л. В., Лазанюк И. В., 2011). Она расположена в Южной Азии, занимает площадь 147 570 км², на которой проживает более 162 млн человек, что больше, например, населения Российской Федерации (табл.1).

Плотность населения Бангладеш на 2016 год составляла 1165 человек на квадратный километр. Если говорить о социальной и демографической ситуации в стране, то следует отметить, что 61% населения составляют люди трудоспособного возраста при примерно равном соотношении полов. Для обоих полов средняя ожидаемая продолжительность жизни достигла 69 лет, что лишь на 2 года меньше общемировой продолжительности жизни.

Как видно из анализа представленных данных (табл. 1 и рис. 1), для Бангладеш характерен высокий и устойчивый рост ВВП, на динамику которого практически не оказал негативного воздействия глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. С 2011 г. темп роста экономики Бангладеш не опускался ниже 6%, что более чем в 2 раза выше среднемирового уровня.

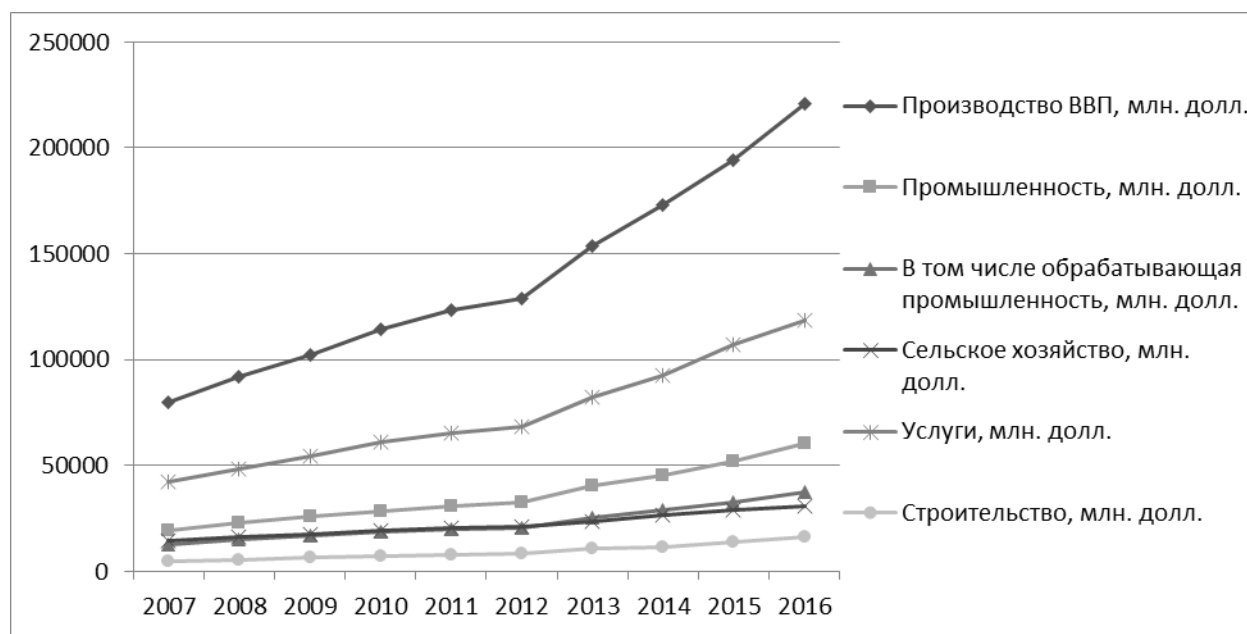


Рис. 1. Динамика ВВП, промышленного, сельскохозяйственного производства, услуг и строительства в Бангладеш в 2007–2016 гг., млн. долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

При этом статистические данные подтверждают опережающий рост сферы услуг и промышленного производства (прежде всего обрабатывающей промышленности).

Таблица 1.

Основные социально-экономические показатели Бангладеш в 2007–2016 гг.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Население, млн чел.	147,1	148,8	150,5	152,1	153,9	155,7	157,6	159,4	161,2	162,95
ВВП, среднегодовые темпы роста, %	7,1	6,0	5,0	5,6	6,5	6,5	6,0	6,1	6,6	7,1
Производство ВВП, млн долл.	79825,87	91646,94	102126,5	114507,8	123506,3	128899,3	153504,9	173061,6	194466,0	220836,7
ВВП на душу населения, долл.	542,5	615,9	678,8	752,6	802,4	827,7	974,2	1085,7	1206,4	1355,2
Промышленность, млн долл.	19557,77	22661,53	25833,49	28577,1	30932,51	32624,36	40382,66	45534,31	52177,94	60390,15
В том числе обрабатывающая промышленность, млн долл.	12719,51	14777,49	16830,63	18460,06	19756,97	20513,32	25239,31	28750,21	32648,26	37608,92
Сельское хозяйство, млн долл.	14214,23	16125,92	17468,36	19467,68	20761,38	20852,78	23782,93	26567,76	28747,9	31017,73
Услуги, млн долл.	42215,15	48510,67	54457,24	61259,7	65514,89	68511,99	81956,55	92822,88	107055,2	118525,9
Строительство, млн долл.	4865,722	5617,138	6399,348	7103,288	7696,528	8343,78	10554,25	11699,12	13917,67	16102,49
Экспорт товаров и услуг, млн долл.	13566,67	16038,36	17300,36	18348,86	24605,02	25988,15	29991,6	32863,8	33399,52	36768,69
Импорт товаров и услуг, млн долл.	18322,97	22876,96	23645	24938,34	33962,72	36026,5	41075,66	44172,96	50045,41	47048,35

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД — <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

С 2013 г. объем производства обрабатывающей промышленности превышает объем сельскохозяйственного производства — впервые в истории страны, доля отраслей обрабатывающей промышленности в ВВП составила 17% в 2016 г. что выше уровня 2007 г., хотя этот рост незначителен в относительном выражении.

В то же время исследователи полагают, что высокий экономический рост обусловленные двузначным ростом в обрабатывающей промышленности и строительства, и около 15% работающих заняты именно в обрабатывающей промышленности (Khan M.H., 2011).

Для страны это особенно важно, потому что самый лучший путь сокращения бедности, как показывает мировой опыт, — это рост занятости в трудоемких отраслях обрабатывающей промышленности.

Сектор услуг является вторым наиболее быстро растущим сектором в Бангладеш: его доля в ВВП составляет около 50% и растет. Почти 40% рабочей силы занято в сфере услуг, тем более, что в Бангладеш присутствуют финансовые услуги, торговля, здравоохранение вплоть до неформальной деятельности всех видов, включая уличных торговцев, домашнюю прислугу и рикш. Большая часть рабочей силы, занятой в сфере услуг, осуществляет трудоемкую деятельность, и в этом смысле сфера услуг обеспечивает населению занятость, когда они не могут найти работу в других сферах. Это главная причина, почему сектор услуг настолько велик в Бангладеш, где производство пока не растет достаточно быстро для поглощения растущего трудоспособного населения, которое к тому же не имеет в основной своей массе необходимых навыков и даже образования. Задача в сфере услуг заключается в наращивании относительно более высокооплачиваемых рабочих мест, что, в свою очередь, тесно связано с проблемой развития человеческого потенциала.

При этом, на наш взгляд, развитие лишь здравоохранения и даже образования само по себе не может решить проблему развития потенциала как в сфере услуг, так и в промышленном сегменте. Хотя стажировки и обучение имеют жизненно важное значение для развития конкурентоспособности в новых секторах (Khan M.H., 2009), отсутствие долгосрочной государственной стратегии по обеспечению повышения потенциала человеческого капитала может привести к росту иммиграции высококвалифицированных специалистов, если они не смогут найти работу в отечественной экономике.

Обрабатывающая промышленность Бангладеш: роль с социально-экономическом и внешнеторговом процессе

Важность развития обрабатывающей промышленности для Бангладеш обусловлена тем обстоятельством, что производство в аграрном секторе как основном, далеко не смогло бы обеспечить рост уровня жизни в условиях роста населения, и не дало бы возможность обеспечить его необходимыми товарами и услугами.

Поэтому все пятилетние планы, а также Стратегии долгосрочного развития, исходят из жизненной необходимости индустриализации для страны. Так, Перспективный план развития Бангладеш на 2010-2021 гг. подчеркнул необходимость

индустриализации для достижения макроэкономической цели в 10%-й рост к 2021 г. Главная цель для страны — индустриализация, как отмечается в документе перспективного плана, и она призвана способствовать росту промышленности в ВВП до 40% до 2021 г., с долей 30% для обрабатывающей промышленности (Perspective Plan of Bangladesh 2010-2021). Более того, согласно документу, обрабатывающая промышленность должна стать основным драйвером экономического и социального прогресса страны.

Ускоренные темпы индустриализации будут необходимы для решения проблемы все более уменьшающегося потенциала сельского хозяйства для поглощения растущей рабочей силы, укрепления межсекторальных связей, удовлетворения растущего внутреннего спроса на промышленные товары, и обеспечат новые возможности стране на мировом рынке.

Действительно, для Бангладеш характерен рост внешнеторгового оборота на всем протяжении рассматриваемого периода, за исключением 2016 г. (табл. 1 и рис. 2), при опережающем росте импорта.

В то же время рост экспорта, как видно из анализа представленных данных, устойчиво растет. Низкая стоимость рабочей силы с растущими навыками дает Бангладеш конкурентное преимущество в самых трудоемких производствах, которые могут обеспечить экономический рост, по крайней мере, еще на десятилетие. Прогнозируется, что доля экспорта в ВВП вырастет до около 25% ВВП к 2021 г., что отражает ведущую роль экспорта в экономике (Perspective Plan of Bangladesh 2010-2021). Цели страны в отношении внешнего сектора — обеспечить усиление глобальной интеграции экономики Бангладеш путем создания и развития производственно-сбытового потенциала.

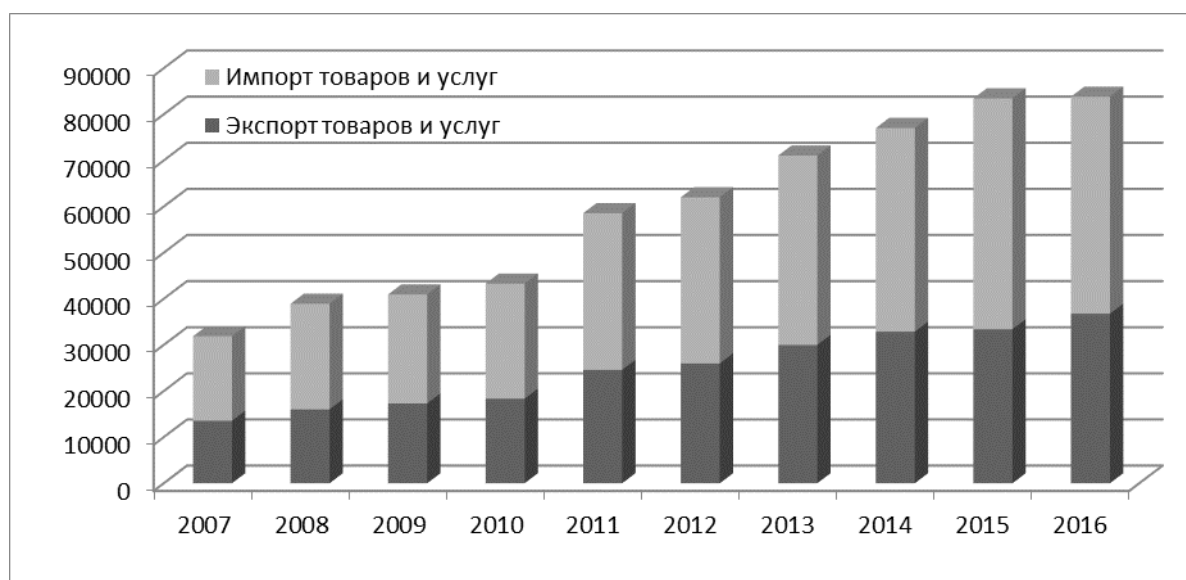


Рис. 2. Динамика экспорта и импорта Бангладеш в 2007-2016 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Это даст возможность Бангладеш не только более активно включиться в мировую торговлю товарами и услугами и сделать внешнюю торговлю более сбалансированной (что важно для страны, имеющей традиционно отрицательное сальдо внешнеторгового баланса), но и обеспечить как производственную, так и экспортную диверсификацию.

Однако международный опыт показывает, что существует ряд проблем, с которыми сталкиваются страны, когда они пытаются открыть новые производственные сектора, повысить производительность труда или двигаться вверх по цепочке создания стоимости. Из них наиболее сложной является проблема создания новых производственных мощностей в новых отраслях и при необходимости внедрения новых технологий. Это требует новых способов оценки рисков, финансирования внедрения и освоения новых технологий, а также создания соответствующих структур, включая образовательные.

Соответственно, и от Бангладеш требуется решение ряда технологических проблем в условиях ограниченности финансовых ресурсов, прежде всего — в базовых отраслях национальной экономики (Qazi Sh.K., Khandokar M.K., 2004), в сфере образования, в институциональной сфере и других аспектах.

Еще одной проблемой, сохраняющейся в сфере обрабатывающей промышленности Бангладеш является то обстоятельство, что в нем доминирует одна подотрасль — швейная и текстильная. Резкий рост этого сектора с 1980-х гг. был источником гордости для страны. Сектор, безусловно, имеет значительный дальнейший потенциал, но монофокусная экономика уязвима. Кроме того, необходимость повышения заработной платы показывает, что для поддержания доли страны на мировых рынках в этом секторе производительность должна существенно улучшиться, и отрасль должна двигаться вверх по цепочке создания стоимости.

Экономика Бангладеш сталкивается с весьма сложными проблемами, и поэтому перед Бангладеш стоит задача коренной структурной перестройки национальной экономики и ликвидации социально-экономической отсталости на основе развития обрабатывающей промышленности.

Список литературы

1. Momtaz U.A. (1984). Institutional Framework for Diversification of the Rural Economy of Bangladesh // *Journal of Management Business & Economics*. Vol. 10. № 2.
2. Чоудхури М.С.К. (1997). Стратегия промышленного развития Бангладеш. — М.: РУДН [Choudhuri M.S.K. (1997). Strategy of industrial development of Bangladesh. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (In Russian)].
3. Шкваря Л.В., Лазанюк И.В. (2011). Индия в мировой и региональной экономике и торговле // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. № 2. С. 46-54. [Shkvarya L.V., Lazanyuk I.V. (2011). India in world and regional economy and trade // *Nauchnoe obozrenie. Series 1: Economics and law*. № 2. pp. 46-54. (In Russian)].

4. Khan M.H. (2011). The Economic Development of Bangladesh: Identifying Pragmatic Policy Responses // Bangladesh Tomorrow. Dhaka.

5. Khan M.H. (2009). Learning, Technology Acquisition and Governance Challenges in Developing Countries. Research Paper Series on Governance for Growth. School of Oriental and African Studies, University of London: London, 2009.

6. Perspective Plan of Bangladesh 2010-2021, Bangladesh Planning Commission. URL:

http://www.bangladesh.gov.bd/sites/default/files/files/bangladesh.gov.bd/page/6dca6a2a_9857_4656_bce6_139584b7f160/Perspective-Plan-of-Bangladesh.pdf

7. Qazi Sh.K., Khandokar M.K. (2004). Problems and Prospects of Technology Transfer in the Jute Sector of Bangladesh: A Study on Jute and Cotton Blended Textile Products // Journal of Business Administration. Vol. 30, No. 3 & 4, July & October.

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF BANGLADESH AS DRIVER OF SOCIAL AND ECONOMIC PROGRESS

Lohmutov Sergey Vladimirovich,

Aircraft, IT Department,
Moscow

Social and economic development of Bangladesh and role in this process of the industrial sector is shown in article. The author shows significant progress in the course of industrialization of Bangladesh. At the same time he notes also the remaining problems requiring the solution for ensuring sustainable social and economic development of the country.

Keywords: Bangladesh, industrial development, industrialization, social and economic development.

JEL codes: O 530, L 690, F 290.

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ**

**ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ****Оздемир Волкан**

В статье рассматривается торговое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в 2000-2016 гг. На основе статистического анализа динамики экспорта и импорта двух стран, автором установлены особенности взаимной торговли России и Турции. Характеризуя этот процесс как имеющий высокую степень зависимости от глобальных и политических аспектов, автор приходит к выводу о необходимости стабилизации торговых отношений.

Ключевые слова: Турция, Россия, товарооборот, экспорт, импорт.

JEL-коды: F 10, F 17.

Введение

Российско-турецкие отношения имеют длительную историю (дипломатические отношения были установлены еще в 1701 г.) и важное, и даже, на наш взгляд, растущее в условиях глобальной нестабильности, значение, как для обеих стран, так и для региона. Важнейшей основой двусторонних отношений является взаимная торговля товарами и услугами, которая остается тесно взаимосвязанной с политической составляющей, историческими и культурными особенностями, а также социально-экономическим развитием России и Турции в XXI в.

В настоящее время анализу торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Турцией уделяется большое внимание как российскими (Ivanov I., 2016), так и турецкими (Mikail E.H., 2013) исследователями и практиками. В то же время интересно отметить, что тюркология уже в 1754 г. стала преподаваться в Казанском университете, в то время как в Турции исследования России появились лишь в последнее десятилетие XX в. И эти исследования в основном сводятся к тому, что политические аспекты двусторонних отношений должны оказывать все меньшее воздействие на хозяйственное взаимодействие сторон.

Так, некоторые турецкие авторы отмечают, и это соответствует действительности, что имеющийся сегодня образ России, который оказывает

непосредственное влияние на деловые и торговые отношения, сформировался в глубоком прошлом — в период Оттоманской империи, а «холодная война» не способствовала его изменению и актуализации. Но теперь мы должны «поставить Россию на правильное место в нашей голове (We must put the Russia in the necessary place in our head)» (Başar S., Mikail E.H., 2013). Это обстоятельство ограничивает возможности торгово-экономического сотрудничества, потенциал которых оценивается как высокий, так как, несмотря на различия в плане институционального развития, экономические структуры в России и Турции во многом дополняли друг друга.

Целью данной статьи является анализ современной российско-турецкой торговли и выявление ее особенностей. В статье используются статистические данные ЮНКТАД, поскольку статистические данные, отражающие взаимный товарооборот, в России и Турции расходятся. Рассматриваемый период (2000–2016 гг.) нам представляется весьма показательным с точки зрения выявления особенностей российско-турецкого торгового сотрудничества.

Динамика российско-турецкой торговли

К началу XXI в. Российская Федерация и Турция стали друг для друга важными торговыми партнерами, растет количество российских туристов в Турцию, а также взаимные инвестиционные потоки, расширяется энергетическое сотрудничество, укрепляются культурные связи.

Договорно-правовая база экономического сотрудничества двух стран насчитывает порядка 20 документов, среди которых Соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве (1991 г.), Долгосрочная программа развития торгового, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества (1997 г.), Соглашения о сотрудничестве в области энергетики (1997 г.), о поощрении и взаимной защите капиталовложений (1997 г.) и др. (Бостонов М.Э., 2013).

Объем торговли вырос с 200 млн долл. в 1990 г. до 37,8 млрд долл. в 2008 г. (максимальный уровень), см. табл. 1 и рис. 1.

Таблица 1.

Динамика товарооборота России и Турции в 2000–2016 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу

Год	Экспорт России в Турцию	Импорт России из Турции	Товарооборот
2000	3879,9	639,1	4519,0
2001	3435,7	924,1	4359,8
2002	3863,2	1168,3	5031,5
2003	5451,3	1367,6	6818,9
2004	9033,1	1859,2	10892,3
2005	12905,6	2377,1	15282,7
2006	17806,2	3237,6	21043,8

2007	23508,5	4726,9	28235,4
2008	31364,5	6483,1	37847,6
2009	19450,1	3189,6	22639,7
2010	21600,6	4628,2	26228,8
2011	23952,9	5992,6	29945,5
2012	26625,3	6680,8	33306,1
2013	25064,2	6964,2	32028,4
2014	25288,6	5943,1	31231,7
2015	20399,8	3589,5	23989,3
2016	15162,4	1733,1	16895,5

Источник: составлено автором по данным United Nations Conference for Trading and Development, 2017

За 2000-2008 гг. взаимный товарооборот двух стран увеличился с 4519,0 млн долл. до 37847,6 млн долл. соответственно, т.е. больше, чем в 8 раз. При этом российский экспорт в Турцию вырос за указанный период с 3879,9 млн долл. до 31364,5 млн долл. соответственно, а импорт — с 639,1 млн долл. до 6483,1 млн долл., т.е. более, чем в 10 раз.

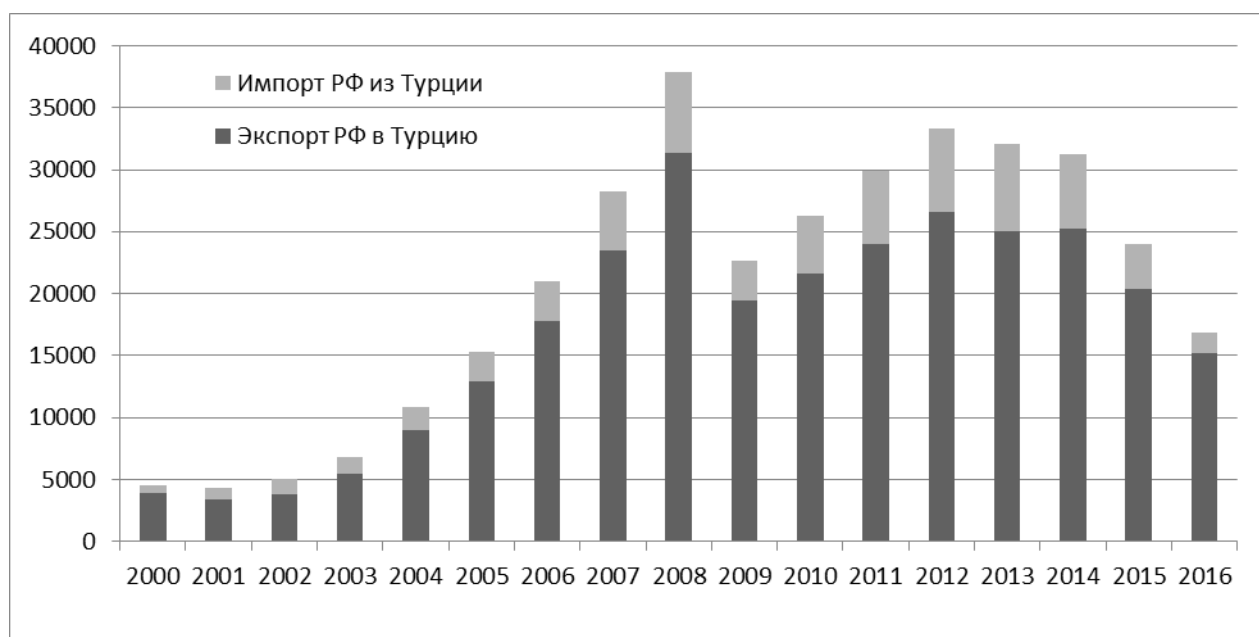


Рис. 1. Динамика товарооборота России и Турции в 2000-2016 гг., млн. долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Мировой финансовый кризис негативно повлиял на взаимную торговлю и товарооборот снизился до 22,6 млрд долл., (русский импорт сократился практически в 2 раза за год) при последующем росте в 2010-2012 гг. (табл. 1 и рис. 1).

Некоторые исследователи объясняют этот рост продолжающимся усилением взаимодополняемости национальных хозяйственных систем.

Степень комплиментарности (взаимодополняемости) двусторонней торговли рассчитывается на основе специального индекса (TCIs), введенного Майклом Микаэли в 1996 г. (Michaely M., 1996). Расчеты показывают, что если в 1990-е гг. Россия и Турция были скорее конкурентами на мировом рынке, то в 2000-е гг. взаимодополняемость их экономик растет.

Кроме того, индекс интенсивности торговли России и Турции, который показывает степень торговых взаимосвязей стран — торговых партнеров относительно мировых торговых связей, в XXI в. был выше 1. Это говорит о том, что за исследуемый период интенсивность товарооборота между Турцией и Россией была выше, чем их торговля с остальным миром.

Особенности российско-турецкой торговли

На основе анализа статистических данных, можно выделить ряд особенностей российско-турецкой торговли.

Прежде всего, как видно из анализа представленных данных, сальдо взаимной торговли России и Турции традиционно складывается в пользу России. Это объясняется, во-первых, традиционно сложившейся товарной структурой торговли двух стран: Россия поставляет в Турцию энергоносители (природный газ, нефть), металлы и изделия из них. Во-вторых, политика импортозамещения, которая проводится в России, по мнению турецких экспертов, также обеспечивает сохранение несбалансированной торговли между странами, так как Турция вывозит в Россию главным образом товары легкой и пищевой промышленности, сельскохозяйственную продукцию, а также машины и оборудование и транспортные средства, продукцию химической промышленности.

Еще одной особенностью является нестабильность развития торговых отношений — при быстром ее росте в 2000–2008 и в 2009–2012 гг. существенный спад в объемах двусторонней торговли заметен в 2013–2016 гг. Конечно, можно говорить о наличии глобальных (мировой кризис 2008 г. и мировая рецессия 2012–2014 гг.) причин и высокой степени влияния политической составляющей (в 2015 г.). Соответственно, в разные периоды страны имели различную степень важности друг для друга как торговые партнеры. Так, анализ представленных данных показывает, что Россия практически ежегодно входила в топ-10 торговых партнеров Турции за 1992–2015 гг. При этом в 2000–2014 гг. Россия среди ведущих экспортеров в Турцию переместилась с 4-го на 11-е место. Кроме того, в период 2006–2014 гг. Россия занимала 1-е место как турецкий импортер, заняв 3-е место по итогам 2015 г.

Следует отметить также дальнейшее падение российско-турецкого товарооборота в 2016 г., когда он, как видно из табл. 1 и рис. 1, сократился на 29,5% по сравнению с 2015 г., в том числе российский экспорт уменьшился на 34,5%, а импорт России из Турции — в 2 раза. Доля Турции в общем внешнеторговом обороте России снизилась в 2016 г. до 3,4% (в 2015 г. этот показатель составлял 4,4%) (Информационное агентство России, 2017).

Согласно выводам Турецкого фонда исследований экономической политики (TEPAV), потери Турции из-за ухудшения отношений с Россией составили около 8 млрд долл. (Tasbası A., 2017).

Данная ситуация требует от стран конкретных мер по ее сглаживанию, что осознается правительственными структурами. Так, еще в марте 2015 г. министр экономики Турции Аднан Ыылдырым говорил о том, что на повестке дня стоит вопрос о создании между странами зоны свободной торговли, а в октябре 2015 г. министр экономического развития Российской Федерации А.Улюкаев заявил, что Россия и Турция готовят соглашение о зоне свободной торговли в сфере услуг и инвестиций (Оган С., 2009).

В качестве такого стабилизирующего фактора мы рассматриваем строительство «Турецкого потока».

Также требует анализа и диверсификации структура взаимной торговли России и Турции. Структура турецкого экспорта в Россию постепенно диверсифицируется, постепенно изменяясь от экспорта товаров с низкой добавленной стоимостью до вывоза в Россию продуктов с высокой добавленной стоимостью. Турецкий импорт из России в основном базируется на сырьевых и капиталоемких товарах.

Эти и другие меры могут содействовать диверсификации и развитию торговых связей России и Турции, что является взаимовыгодным процессом для обеих сторон.

Список литературы

1. Бостонов М.Э. (2013). Современная внешняя политика Турции в условиях глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. № 5. С.129–131 [Bostonov M.E. (2013). Modern foreign policy of Turkey in the conditions of globalization // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. № 5. pp.129-131 (In Russian)]
2. Информационное агентство России [News agency of Russia (In Russian)]. URL: <http://tass.ru/info/2468527>
3. Оган С. (2009). «Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе» и усилия Турции по обеспечению региональной безопасности. URL: <https://regnum.ru/news/1234391.html>
4. Başar S., Mikail E.H. (2013). Turkish-Russian political and economic relations during Erdogan-Putin period between 2003-2013 years. Ankara.
5. Ivanov I. (ed.) (2016). New Stage of Russia-Turkey Economic Relations // Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/en/activity/publications/new-stage-of-russia-turkey-economic-relations/>
6. Michaely M. (1996). Indices of Compatibility. Trade Preferential Agreements in Latin America an Ex-Ante Assessment. The World Bank.
7. Mikail E. H. (2013). Turkish Russian Political and Economical Relations // International Journal of Business and Social Science. Vol. 4. № 10.

8. Tasbasi A. (2017). International Trade and Strategic Behavior: A Game Theoretical Analysis of the Trade Dispute between Turkey and Russia // Economic Research-Ekonomiska Istrazivanja. 30.

9. United Nations Conference for Trading and Development (2017). URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

TRADE RELATIONS OF RUSSIA AND TURKEY AT THE PRESENT STAGE

Ozdemir Volkan,

Dokuz Eylul University, Izmir, Turkey

The article deals with the trade cooperation between the Russian Federation and the Republic of Turkey in 2000-2016. based on the statistical analysis of the dynamics of exports and imports of the two countries, the author establishes the features of mutual trade between Russia and Turkey. Characterizing this process as highly dependent on global and political aspects, the author comes to the conclusion about the need to stabilize trade relations.

Key words: Turkey, Russia, trade turnover, export, import.

JEL-codes: F 10, F 17.

ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

**THE MANIFESTATION OF QE THEORY IN PRACTICE: DID IT WORK
IN RESTARTING THE ECONOMY AS TOUTED?***Khaled Al Sayyad*

This article examines an unorthodox monetary policy used extensively in the Global Economy in the great recession of 2007-2012, referred to as Quantitative Easing (“QE”), to purportedly stimulate a globally depressed economy. The introduction will present a thorough description of its definition and history, including the various central banks which implemented this policy throughout the globe. The article is providing an analytical comparison between the purported effects of QE and its actual manifestation in practice; i.e. reasons for this divergence, limitations of QE policy and its effectiveness. Certain data presented in this section will challenge the much touted claim by the mainstream media that QE has succeeded in restarting the economy. In contrast to general consensus, this data downplays the prominent role QE was given credit for, in lifting the economic growth into positive territory during the great recession, in light of the various policy choices undertaken simultaneously. The author attempts to demonstrate viable tweaks or alternatives to the current format of QE, such that financial resources are utilized in the most efficient manner possible. Finally, the author examines the critical claim that QE is simply another terminology for deficit financing/monetization of debt, possibly invented by policy makers and media associations to detract the populace from the true unstated purpose of this policy. That it is a policy aimed at financing the deficit and enriching the bankers rather than to stimulate the economy as pronounced. Finally, in the conclusion, the article will culminate with a clear message, that irrespective of consensus claims that there is no viable alternative to the QE policy to save the economy, the solution is plain and simple: “Just as the policy makers and their backers had no empirical evidence to suggest that pouring money onto bank balance sheets would stimulate the economy by keeping afloat wretched banks and institutions, then the same could be said for pouring money on the populace, via for example, certain social security payouts or any other form of incentive. After all, it is the government’s duty to distribute the resources more efficiently, rather than act as the guardian of the private property of a certain high end group of individuals and corporations with certain private interests. A fairer approach should entail a design that takes into account the collective, and to try to align the interests of these powerful elites with those of the general populace.

Khaled Al Sayyad — Central Bank of Bahrain, Senior Financial Analyst, Financial Institutions Supervision Directorate, email: khalidalsayyad@hotmail.com

Key Words: quantitative easing, fair and equitable; deficit financing/monetization of debt; trickle up; investment led growth; electronic money; privatize the returns; socialize the costs.

JEL-codes: E 120, E 420, E 500.

Introduction

In 2009, as the global financial crisis intensified, many central banks across the globe, and in GCC countries, cut interest rates to near zero levels, in an effort to restart bank lending, encourage consumer spending and business investment, combat deflation and stimulate the economy. However, the underlying standard monetary policy failed to provide the required impetus and banks remained reluctant to lend as bank balance sheets were still thin from the heavy losses they incurred from the subprime mortgage crisis and all the complex products they created therein.

Additionally, households were unlikely to borrow at the time, because they were still reeling from the plunge in the value of their homes, which represented a sizable portion of their wealth. The importance of their home equities to their wealth is further highlighted by the fact that before the financial crisis of 2008-2009, during the housing market boom, many households were able to borrow funds against the rising value of their home equity (i.e. value of property exceeding what is owed in mortgages), which financed their consumption binge.

This changed, however, following the bursting of the housing bubble and subsequent strenuous deleveraging process. The spending and lending bonanza dissipated as the preference of both consumers and businesses alike tilted towards saving more (Fed pushing us to financial catastrophe worse than 2008 — billionaire investor, 2016). This in effect, termed liquidity trap by economists (Keynes J.M., 2007), rendered the main monetary policy of cutting interest rates, ineffective in stimulating the economy.

Accordingly, central banks resorted to an *unorthodox* expansionary monetary policy tool, namely quantitative easing (“QE”), which involves the Central Bank buying specified amounts of government bonds and other financial assets, from commercial banks and other financial institutions, using newly created electronic money (Bernanke B., 2015). This has the effect of increasing the total amount of money available for use in the financial system, reflected in higher bank cash reserves, which is supposed to encourage financial institutions to lend more. It also simultaneously increases the prices of those financial assets bought by Central Banks and lowers interest rates across the economy, reinforcing the same hopeful notion of encouraging spending and investment in the economy.

QE is generally believed to have been initiated by the Central Bank of Japan in the 1990’s, to reverse deflationary pressures and the associated economic malaise, though it never reached the epic proportions witnessed during the great recession (Shirakawa M., 2002).

The Fed, which undertook the QE program from 2009-2015, took on its balance sheet, financial assets worth 4.5 trillion US Dollars, as a result (Federal debt basics — How large is the federal debt?, 2012; The Nation’s Fiscal Health: Action Is Needed to Address,

2018). Whilst the ECB, which pegged back its unorthodox financial asset purchasing program to 2015, the equivalent of QE, purchased assets worth approximately 2 trillion US Dollars (Annual Report ECB, 2016).

An analytical comparison between the purported effects of QE and its actual manifestation in practice

Despite its extensive use in the global recession 2008-2012, it remains to be seen whether the underlying QE policy had the intended effects it promised to deliver, mainly that the increase in banks' reserves would stimulate spending and investment, which should have a knock on effect on economic growth (Homburg S., 2017).

Over the last few years, there has been a resuscitation of economic growth in various economies worldwide, which some protagonists credit QE, at least partly for. Its impact on economic recovery however, is difficult to measure separately, in light of the various policy choices undertaken in parallel by policymakers across the globe, to combat deflation and ailing growth.

For instance, in many advanced economies such as the UK, an expansionary fiscal policy was pursued in conjunction with monetary policy to stem the recent global recession. This can be inferred from the ONS statistics for 2009/2010, which shows the UK government increased its borrowing to 10% of GDP, to finance an expansionary fiscal policy. This combined mix of policy tools, which were implemented with various magnitudes throughout the advanced economies helped pull global growth into positive territory (Irwin N., 2014).

However, as Keynes argued, fiscal policy becomes more effective in a recession whereby the government spending must pick up the slack caused by the excessive savings of the private sector (Keynes J.M., 2007).

Thus, the main rationale for implementing QE, that an increase in banks' reserves would stimulate spending and hence have a knock on effect on economic growth, did not have the desired effect. Banks were still unwilling to lend due to the fact that each bank was concerned with the undisclosed level of risky asset exposures of other member banks, especially with respect to the real estate market and other related sectors that were hit hard after the financial crisis. Additionally, these funds were simply poured into bank balance sheets without regulating their use, in a way that stimulates the broader economy.

As a result actually, most of the money created from the QE policy is believed to have gone into the stock market. The S&P 500 index which bottomed at 700 in early 2009, the time of inception of the FED's QE program, reached new record peaks of 1,900 in late 2014, the period in which the program was winded down in the US. Prices were almost tripled in this short time span. Many investors became discouraged from investing in the bond market because the FED's program of purchasing Treasuries and Mortgage Backed Securities drove the prices of these instruments higher and yields lower, rendering them unattractive to investors. Thus, in search of higher yields, investors flocked to stocks, spiking their prices to unprecedented levels.

Viable tweaks or alternatives to the current format of QE

In accordance with the above, the effectiveness of QE in promoting real economic growth based on the productive use of resources remains a contentious issue. Even if QE results in increased lending and stimulates growth as hoped, pouring money into banks *without restricting nor directing* its use such that it serves to generate investment fueled growth, rather than the same debt financed consumption growth pre-crisis model that plunged many economies into deep recessions, risks creating a new bubble to replace the housing bubble that burst.

Pre-crisis growth was highly inequitable as it was based on debt financed consumption, and predatory lending practices by major financial institutions, which served to increase the commissions made by the underlying institutions and elites at the expense of average individuals, whom would not be able to own homes without debt. Citizens were poor before the crisis and many of them did not even qualify for a loan or mortgage. They became even poorer after losing their homes or their homes plunged in value whilst the banks were rewarded with these free handouts.

Another debt financed economic growth cycle, backed by a system that operates to serve the interests of corporations and financial institutions and exploit the poor, would serve to widen the gap further between the haves and have nots and create an inequitable growth. The same factors that enabled the creation of the housing bubble, such as poor financial regulations and easy borrowing conditions, remain.

These factors, along with programs such as QE must be revisited and properly assessed or scrapped, as to provide far reaching benefits to the most needy citizens of a nation. However, taking into account some protagonists of the QE policy who claim its importance to save the banking system and hence the economy, the least the government could have done with respect to the underlying QE policy is tweak it to limit the discretionary nature of the handouts to the banks; i.e. restrict the banks use of these funds to target specific sectors of the economy like small and medium enterprises.

Instead of lending the extra cash received from QE however, the banks may opt to sit on the extra reserves given to them by Central Banks or even worse hand out outrageous bonuses to its executives and undertake high arbitrary trading risks (which is what happened during the recent recession), knowing very well that the government stands ready to bail out any systemically important financial institution should they fail. That risks an even more uneven growth across different segments of society as these banks boost their wealth and spending patterns via creating a stock price surge whilst the government and taxpayers pick up the cost of poor investments made by the banks. All in all, QE seems to save the banks but does not ensure that it serves to promote an equitable growth, that has a far reaching scope to citizens of a nation, unless regulated by the government, as to ensure that it goes to an *investment led growth* with long term benefits or alternatively, as mentioned above, targeting specific ailing sectors of the economy. Nonetheless, it is not the only change that should be made to a system which only seems to cater for the rich! More regulations should be put in place, to prevent the taxpayer funds from being misused or directed towards the executives of banks without placing any restrictions on its use. Thus, in addition to the fact

that QE policy is unfair, in the sense it was given as a free handout to bankers despite their role in the crisis, more salt is rubbed on the wounds of those taxpayers whom lost a lot of their equities during the crisis, as they will bear the cost of the QE program and other fiscal stimulus programs yet have no say on areas of expenditure of their underlying funds.

Far more beneficial and equitable would be a policy that would start from the bottom; i.e. *trickle up* economics that focuses on relieving the poorest segment of society, the ripples of which would extend to the higher classes. And since the US economy and other debtor nations heavily rely on the consumerist model whereby the low and middle classes assume heavy debts to finance their consumption binges, all of which benefits the banks and equity holders, it would make a lot of sense to relieve that segment, in order to stimulate consumption of the masses whom are the backbone of any nation.

A lot of Americans are still reeling from the plunge in housing prices and ultimately had their equities wiped out. They are unable to repay some of their debts nor renew or undertake new loans (Millions of American Homeowners Are Still Reeling From the Housing Crisis, 2016; Olick D., 2016).

Thus, it would make more economic sense to pour some money onto that segment by, for example, enacting some form of debt restructuring or forgiveness rather than gift it away to the bankers that caused this crisis and made more money from it despite the poor credit risk strategies they undertook. All in all, the trickle down model implemented here, without restrictions or regulations, leaves the economies more inequitable and the chasm between those that have and those that have not wider.

QE is another terminology?

Despite official public statements and pronouncements by the aforementioned central banks that QE has been halted and the act of purchasing new securities has been curbed or reduced (The Distributional Effects of Asset Purchases, 2012), the truth is that considering that the newly created electronic money from QE remains in circulation amongst financial institutions and that the FED and other Central Banks continue to hold risky financial securities on their balance sheets (i.e. the increase in money supply was not sterilized and no reversal of QE policy took place in which Central Banks sell back the purchased assets), renders this policy active till date, in the eyes of many of its critics. Its critics argue that QE does not differ from that of normal money printing operations. For instance, printing money is a term that implies newly created money is used directly to finance government deficits or pay off government debt (Another term used for printing money is monetizing the debt). And while it is true that Central banks in many developed nations are prohibited from buying government bonds directly from the government, a two-step process, in which the government sells its assets to private entities which in turn sell it to the Central Bank, facilitates bypassing this underlying prohibition, which according to these same critics, amounts to monetizing the debt.

On the other hand, according to proponents of the QE policy, the difference between monetization of debt and QE is that the latter's stated purpose is to stimulate the economy, not finance government deficit spending, although an indirect effect of QE is to lower rates

on sovereign bonds. Thus, according to the proponents, the difference lies in the stated purpose or stated objectives. Finally, they claim that the Central Banks increase in money supply caused by QE, will be reversed, as Central Banks have clearly stated their intentions of selling back their financial securities they purchased from financial institutions. In that case, and if it actually happens, then rendering QE policy as a debt monetization policy will have to be permanently dismissed (Bond bubble brews as central banks retreat from QE, 2018).

However, as long as the inventory of financial securities purchased by Central Banks remains on their balance sheets without reversing this process as promised by Central Banks, and as long as these extra funds remain on financial institutions' balance sheets, then critics have a right in stating that QE is analogous to debt monetization, since it is not the stated objectives that define the same, but rather the absolute increase in money supply created electronically out of nothing, and Central Bank asset purchases that vindicates the claim that QE policy is another form of debt monetization.

Irrespective of the above, even if the government manages to honor its obligations and sell back some of the government financial securities it purchased during the QE policy, it does not ensure that the amount paid by the Central Banks at the initial stage will be equal to the amount recovered after selling them back to investors. As a matter of fact, it is expected that once the FED or any other Central Bank decides to sell the underlying securities, the market prices of these underlying instruments will drop, due to the oversupply of Treasuries in the market. This will force the US Treasury to offer higher yields on the Treasuries it auctions, in order to persuade any investor to buy them. Accordingly, the selling price will most likely be less than the purchasing price. Thereby, the Central Banks will fail to withdraw all money created during the QE policy from circulation. Again, this validates and leaves no room to evade the claim that QE is analogous to monetization of debt and is most likely the main purpose behind the QE program.

In early 2018, the USA's debt level reached a staggering USD 20 trillion and an elevated debt to GDP ratio of more than 100%, both of which are considered risky, as investors become increasingly concerned of the ability of the US government to honor its debt obligations. The reasons for this elevated debt level cannot be pinned on the 2007-2012 recession only. One of the main expenditure components responsible for this debt, for instance is the government's "War on Terror" program which doubled military expenditure from \$437.4 billion in 2003 to a peak of \$855.1 billion in 2011. An ageing population responsible for the government's social security payouts is another prominent expense and this item is expected to ascend with time given the demographic composition of the USA.

Nonetheless, the USA government enacted several fiscal stimulus programs, to stimulate the depressed economy during the great recession of 2007-2012 (The Economic Stabilization Act, 2008; American Recovery and Reinvestment Act, 2009). These programs along with other government expenditures relied on either borrowing some of the money by issuing US Treasuries and Bills or printing additional notes (which encompasses using unconventional policies such as QE), to bridge the government's budget shortfalls resulting from having surplus expenses relative to its revenues, consistently since 1970, with the exception of a few odd years. This enabled the government to continue funding its deficit

and accumulate more debt, inject bank liquidity (by purchasing private financial securities) and reduce its borrowing costs when issuing bonds. Some of the fiscal stimulus programs, partly funded by QE, that were enacted to lift the economy out of a slowdown include “The American Recovery and Reinvestment Act”, totaling USD 787 billion and “The Economic Stabilization Act of 2008” and “TARP”, totaling approximately USD 700 billion.

All in all, these fiscal deficit programs and mandatory spending increases due to population growth have caused the US stockpile of debt to increase dramatically and this debt will have to be paid back at some point, imposing huge burdens on future generations through prospective austerity measures. The ability of the US government to fund social security programs in the future will be severely restricted as the level of debt is unsustainable and investors will be more reluctant to lend money to the US government. Therefore, the government may continue to bypass this hindrance by finding new alternative terminologies to the printing of money such as QE or any other, to purportedly bail out the banks. In truth, however, the government used the free money to bail out banks and to finance its deficit, in light of the rising costs to borrowing funds, through Treasuries.

Notwithstanding the epic proportion of debt incurred and free money hand out as illustrated in programs like QE, it still fell short of providing the necessary funding needs of some of the US states, which suggests that these debts incurred and money given to financial institutions in the name of a crisis preventing bailout, only served some corporations and banks and failed to provide viable assistance to the segments of society most in need. In the future, these debts will have to be repaid and the most likely scenario, as evident from previous crises, is the shifting of the cost of bailouts and economic cleanup onto the most vulnerable and needy segments of the population. It is simply another repeated case of *privatizing the returns and socializing the costs*, in similar vein to previous financial crises, but on a much larger and riskier scale. Only time will tell the true cost of this crisis and ensuing bailouts.

Ultimately, the US economy needed a disproportionate injection of liquidity to help pull the economy out of the deep recession it suffered. And, given that the US had a large debt stock, which caused its borrowing costs from US Treasuries to soar, it felt compelled to resort to unorthodox policies such as QE to finance its fiscal deficits, despite its insistence otherwise, and to ease the borrowing conditions of financial institutions following the freezing of the credit markets. However, as mentioned above, it still fell short of fully covering the expenditures of some of the US states. Therefore, and despite the insistence by the protagonists of QE, of the necessity of this program, which may or may not be true, I still believe that these huge sums could have been better spent, in a more equitable and accountable fashion, such that it serves the taxpayers who will ultimately be made to bear the brunt of the bailout cost in the future, and penalizes rather than rewards those responsible for this mess!

Conclusion

The true cost of the bailout of the recent great recession will be very difficult to calculate and most importantly, will be borne ultimately by the taxpayer and future

generations. This is due to the fact that most of these bailout programs, including but not limited to the QE program, will have to be repaid at some point in the future. That will be implemented via tax increases, austerity measures and other policies which will weigh down heavily on the poor.

Accordingly, by rewarding companies and bankers which misjudged or miscalculated credit risks of people applying for loans and mortgages, has resulted in what is commonly known as a moral hazard problem; i.e. knowing that the government will stand ready to bail out any systemically important financial or corporate institution, gives these same companies free reins to undertake high risk strategies which reward them handsomely if successful but may result in their failure and bailout in the event of failure. Therefore, they are more encouraged to undertake high risks that will be borne by the taxpayer in the event of their unsuccessful strategies. In good times, the returns are privatized yet in difficult times, the costs are socialized.

Thus, in retrospect, the same cycle of debt financed consumption fueling financial booms and price bubbles, regularly ends with a severe crash which capitulates a whole global economy, has occurred over and over again. Then, in typical fashion, the government bails these institutions out, citing their importance to the health of the economy and leaves the billing costs of such extensive bailouts to the future generations to bear. This endless cycle must come to an end. However, there are too many big players with stakes in this political economic structure that have ensured via political campaign contributions and lobbying, the continued siphoning of funds towards big corporations and away from what the underlying institutions considers small stakeholders, like taxpayers. Our nations need a total *revamp* which many stakeholders, would oppose due to the reasons mentioned above. Nonetheless, to do that requires the *awakening* of the *consciousness* of our societies, in order to pressure this current apparatus to cater or align the interests of its masters with that of the majority of people roaming the earth. It is not a matter of how to revamp the system but a matter of why; i.e. the same people who are strong willed when it comes to their self-interests, would find many ways to restructure this one dimensional system and share the love if they wished to do so. Somehow, they found a way to justify pouring money on saving big corporations. As the old saying goes: “Where there is a will, there is always a way”. So stop making excuses!

References

1. Fed pushing us to financial catastrophe worse than 2008 — billionaire investor (2016). URL: www.rt.com/shows/sophieco/341575-financial-catastrophe-global-economy/
2. Keynes J.M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. United Kingdom: Palgrave Macmillan.
3. Bernanke Ben (2015). *The Courage To Act*. New York: W.W Norton & Company.
4. Shirakawa M. (2002). *One Year Under 'Quantitative Easing*. Tokyo: Institute for Monetary and Economic Studies, Bank of Japan.

5. Federal debt basics — How large is the federal debt? (2012) // U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov>
6. The Nation's Fiscal Health: Action Is Needed to Address (2018) // U.S. Government Accountability Office. URL: https://www.gao.gov/americas_fiscal_future#largefeddebt
7. Annual Report ECB (2016). European Central Bank. Germany: Frankfurt am Main. URL: <http://international.fa.ru/Projects/Erasmus-Jean-Monnet/Documents/Annual%20Report%202015%20European%20Central%20Bank.pdf>
8. Homburg S. (2017). A Study in Monetary Macroeconomics. Oxford University Press.
9. Irwin N. (2014). Quantitative Easing is Ending. Here's What It Did, in Charts // The New York Times. NY.
10. Millions of American Homeowners Are Still Reeling From the Housing Crisis. URL: <http://fortune.com/2016/08/18/millions-of-american-homeowners-are-still-reeling-from-the-housing-crisis/>
11. Olick D. Nearly 6 million still owe more on mortgages than their homes are worth. URL: <https://www.cnn.com/2016/08/17/nearly-6-million-still-owe-more-on-mortgages-than-their-homes-are-worth.html>
12. The Distributional Effects of Asset Purchases, Bank of England (2012). URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/news/2012/july/the-distributional-effects-of-asset-purchases-paper>
13. Bond bubble brews as central banks retreat from QE (2018). URL: <https://www.ft.com/content/b724b96e-6ba7-11e7-b9c7-15af748b60d0>
14. The Economic Stabilization Act (2008). URL: www.congress.gov/110/plaws/publ343/PLAW-110publ343.pdf
15. American Recovery and Reinvestment Act (ARRA) (2009). URL: www.congress.gov/111/plaws/publ5/PLAW-111publ5.pdf

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АРАБСКИЙ МИР И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ. ЧТО ДЕЛАТЬ ЭКОНОМИКЕ?

Айдрус Ирина Ахмед Зейн

13 марта 2018 г. в Институте мировой экономики и бизнеса РУДН прошла международная конференция «Арабский мир и новые вызовы. Что делать экономике?». Более 100 участников из Алжира, Бахрейна, Египта, Марокко, Ирака, Иордании, России обсудили экономическую ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также развитие делового сотрудничества между Россией и арабским регионом.

Модераторами конференции выступили шеф московского бюро газеты «Аль Шарг Аль Аусат» Раед Джабер и директор Центра арабских исследований, руководитель программы «Мировая экономика» Института мировой экономики и бизнеса, к.э.н. Айдрус Ирина Ахмед Зейн.



Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент кафедры МЭО, Российский университет дружбы народов

С выступлениями и комментариями по проблемам взаимодействия России и арабского мира, а также влияния геополитической обстановки в мире и на Ближнем Востоке и в Северной Африке на экономическое арабско-российское сотрудничество обратились почетные гости:

- Попов Вениамин Викторович, Чрезвычайный и Полномочный Посол и Координатор Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир».
- Д-р Малек Мусли, представитель Генерального секретаря Лиги арабских государств в РФ;
- Хайдар Мансур Хади, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Ирак в РФ;
- Амджад Ода Аль-Адайла, Чрезвычайный и Полномочный Посол Хашимитского Королевства Иордании в РФ;
- Хусейн Мезуад, Уполномоченный советник Посольства Алжира в РФ;
- Васильев Алексей Михайлович, академик, профессор, Почетный президент Института Африки РАН;
- Бехнам Гурбан-Заде — Советник Заместителя Председателя Правления Сбербанка России;
- Исаев Владимир Александрович — д.э.н., профессор Института Востоковедения РАН;
- Фитуни Леонид Леонидович — член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН.



Партнёрами мероприятия выступили: Международное информационное агентство «Россия сегодня», Международный союз экономистов при поддержке посольства Лиги арабских государств в Российской Федерации, сетевой научный журнал «Россия и Азия».



«Регион Ближнего Востока и Северной Африки, несмотря на имеющиеся очаги геополитической напряжённости, играет одну из ключевых ролей в мировой экономике благодаря человеческим, нефтегазовым, финансовым и технологическим ресурсам», — подчеркнул Александр Рудаков, заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России. Он также отметил, что взаимодействие России и ключевых государств региона внесло вклад в установление цен на нефть. Благодаря подписанному в декабре 2016 года соглашению ОПЕК и независимыми нефтепроизводителями договора «О замораживании уровня добычи нефти» удалось установить здоровый баланс спроса и предложения на нефтяных рынках.

Посол Иордании в РФ Амджад Оде Аль-Адайле заявил, что у арабско-российских экономических отношений — многообещающее будущее. Однако существует ряд препятствий на пути укрепления взаимодействия с Россией. Он выделил, прежде всего, отсутствие информации о проектах и законодательстве в России, сложности с получением деловых виз, а также со сроком, на который они выдаются.

Он высказал разочарование по поводу низкого уровня товарооборота между Россией и его страной. При этом он отметил, что точных сведений об объеме товарооборота ему не удалось найти. «Даже на этом форуме я услышал три разные цифры», — заявил посол.

Посол призвал российские компании инвестировать в ряд проектов в королевстве, в том числе в перекачку воды из Красного моря в Мертвое. Иордания характеризуется благоприятным инвестиционным климатом и экономической и политической стабильностью. В целом посол заявил, что не хватает последовательности в развитии российско-арабского делового сотрудничества и предложил активно привлекать бизнес к участию в подобных форумах и конференциях.

Посол Ирака в РФ Хайдар Мансур Хади охарактеризовал недостаточно высоким нынешний уровень развития российско-иракских отношений. На качественно высоком уровне две страны сотрудничают только в нефтегазовой сфере. Особо посол подчеркнул роль России в победе над терроризмом.

Вклад России высок и в создании инфраструктуры Ирака еще в советские времена. Х. М. Хади заявил, что на данный момент около трёх тысяч иракских студентов обучаются в российских университетах.

Чрезвычайный и Полномочный Посол и Координатор Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир», В. В. Попов отметил: «После событий на Ближнем Востоке к власти в ряде государств приходит новое поколение лидеров, которые действуют более реалистично и взвешено, как, например, в Египте. Президент взял курс развития страны на модернизацию. Особо хотелось отметить успехи султаната Омана и Объединённых Арабских Эмиратов. В ОАЭ развивается культурная жизнь. Например, недавно построен филиал Лувра в Абу-Даби».

Среди перспективных областей сотрудничества экспертами были выделены экономика и инвестиции, энергетика, сельское хозяйство.

Подводя итоги дискуссии, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор Л.Л.Фитуни, высказал мнение, что в целом потенциал российско-арабского сотрудничества может быть оценен как высокий. В то же время реализация имеющихся возможностей пока не удовлетворяет стороны. Она остается по многим параметрам даже ниже уровня советско-арабского экономического взаимодействия. По мнению профессора, это объясняется «дисциплинарно-силовыми моментами» советской практики, с одной стороны, и, напротив, в российской действительности — «дискретностью взаимоотношений, когда за договоренностью редко следует конкретная деятельность», что остается одной из основных проблем с обеих сторон.